

100 ЛЕТ ПЕРЕКОПСКОЙ ПОБЕДЫ

Сборник научных
статей

2021 г.

12+

Юрий Шахин

**100 лет Перекопской победы.
Сборник научных статей**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Шахин Ю. В.

100 лет Перекопской победы. Сборник научных статей /
Ю. В. Шахин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Сборник подготовлен к столетию победы Красной Армии над Врангелем и окончанию Гражданской войны. Содержит статьи по истории революции и Гражданской войны в Крыму и на юге России, а также по социокультурным предпосылкам и последствиям этих событий. Рассчитан на всех, интересующихся историей России и СССР.

Содержание

Колонтаев К.В. Как в Крыму и Севастополе очень скромно отметили 100-летие исторического события	6
Балашов Н.Е. Советский проект и его последняя альтернатива	8
Баранецкий А.Н. О философско-бюрократическом значении констатации конца гражданской войны в России в 1920 году (к историософскому и культурологическому значению революции и гражданской войны в России)	15
Головнин Р. Е. Социалистический реализм как исход революции и главный инструмент построения Советского Союза	25
Заболотин В.Ф. Восстание в Таганроге и события в Ростове в период объединенного правительства. Январь 1918 года (изложение по материалам современных событиям газет)	29
Заяц Н.А. К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920-21 гг.	38
Колонтаев К.В. «Остров Крым» или как «свободный рынок» сокрушил режим генерала Врангеля	44
Панюта И.Н. Герой «белого дела». Эскиз к социально-психологическому портрету	47
Шахин Ю.В. Революция и интеллигенция	55

**Юрий Шахин, Константин Колонтаев,
Игорь Панюта, Андрей Баранецкий,
Руслан Головнин, Николай Балашов,
Николай Заяц, Виталий Заболотин
100 лет Перекопской победы.
Сборник научных статей**

Рецензенты

И.Е.Севостьянова, д.полит.н., профессор Института экономики и права (филиала) в г. Севастополе ОУП ВО «АТиСО»

Т.И.Филимонова, к.и.н., заведующая Домом Плеханова Российской национальной библиотеки

Колонтаев К.В. Как в Крыму и Севастополе очень скромно отметили 100-летие исторического события

Колонтаев К.В., историк-краевед

Ещё в начале нынешнего 2020 года в Крыму и Севастополе, да и на уровне всей Российской Федерации начали готовиться отметить вековой юбилей большого исторического события – 100-летия разгрома белогвардейских войск генерала Врангеля и их изгнания из Крыма и Севастополя.

Однако начавшаяся вскоре эпидемия коронавирусной пневмонии, привела к тому, что на официальном уровне столетний юбилей этого исторического события решили фактически не отмечать.

В связи с бездеятельностью официальных властей, которые показали несостоятельность в сфере подготовки и празднования данного юбилея, отметить эту историческую дату взялись руководители крымской республиканской организации Компартии Российской Федерации и преподаватели кафедры истории Севастопольского государственного университета.

Первым мероприятием предназначенным отметить данный юбилей, стал проведенный 12 ноября 2020 года в Севастопольском государственном университете региональный круглый стол, а по сути – студенческая научная конференция, проходившая под руководством доцента, кандидата исторических наук Инги Валерьевны Рыбак.

Доклады участников мероприятия охватывали круг вопросов, касающихся причин поражения, эвакуации белых, их судьбы в Турции, Болгарии, Югославии, Франции.

Спустя два дня 14 ноября 2020 года, в Симферополе в здании крымской республиканской организации КПРФ, состоялось гораздо более массовое мероприятие, посвящённое данной юбилейной дате – научно – практическая конференция «100 лет Перекопской Победы. Окончательное установление Советской власти в Крыму». В работе этой конференции приняли участие девять докладчиков и несколько десятков гостей.

Данная конференция состояла из двух частей, а именно собственно конференции проходившей 14 ноября 2020 года и состоявшейся на следующий день 15 ноября 2020 года «Поездке по местам боевой славы Красной Армии 1920 года», во время которой участники данного мероприятия посетили историко – краеведческий музей в городе Армянске и приняли участие в экскурсии по Перекопскому валу.

С приветствием участникам данной конференции выступил известный блогер, журналист и левый активист Семин Константин Викторович. Выступление было в онлайн- формате.

Что касается непосредственно работы данного мероприятия, то оно проходило в режиме трёх сессий и презентации.

В ходе первой сессии «Революция и историческая память» прозвучало два доклада «Революция и интеллигенция» – кандидат исторических наук Шахин Юрий Владимирович (Севастополь), «О философско – бюрократическом значении констатации конца гражданской войны в России в 1920 году» – кандидат философских наук Баранецкий Андрей Наумович (Севастополь).

На второй сессии «Гражданская война на юге России», были представлены доклады: «Восстание в Таганроге и события в Ростове-на-Дону в период Объединённого правительства» – Заболотин Виталий Фёдорович – историк (Таганрог), «Остров Крым» или как «свободный рынок» сокрушил режим генерала Врангеля» – Колонтаев Константин Владимирович – историк (Севастополь), «К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920-1921 году» – Заяц Николай Алексеевич – кандидат исторических наук (Домодедово, Московская область).

Третья сессия «Революция, как борьба культур», была представлена, следующими докладами: «Герой «белого дела». Эскиз к социально – психологическому портрету» – Панюта Игорь Николаевич – политолог, публицист (Севастополь), «Советский проект и его последняя альтернатива» – Балашов Николай Евгеньевич – студент историк (Севастополь), «Картина Н. С. Самокиша «Штурм Перекопа» – Козловский Сергей Александрович, журналист (Симферополь), «Социалистический реализм как исход революции и главный инструмент построения Советского Союза» – Головнин Руслан Евгеньевич, независимый исследователь (Симферополь).

После предоставления научных докладов, в завершение конференции, была проведена презентация ряда научных работ изданных К. В. Колонтаевым к 100-летию юбилею разгрома войск генерала Врангеля.

В этот же день 14 ноября 2020 года, в поселке Голландия на северной стороне Севастополя, в одном из корпусов Севастопольского государственного университета, была проведена научно – практическая конференция «Вклад российских соотечественников в развитие науки и культуры стран Средиземноморского региона», которая так же была посвящена событиям, связанным с бегством врангелевских войск и гражданских лиц из Крыма в середине ноября 1920 года.

На этой конференции были представлены доклады по следующим темам:

«Революция и Гражданская война 1917-1920 годов в самосознании современного российского общества»;

«Государственные институты, культура и личность перед лицом великих потрясений. Столетие «Русского исхода». Уроки истории»;

«Вклад соотечественников в развитие науки и культуры стран Средиземноморского региона»;

«Российская эмиграция в Тунисе: вклад в развитие культуры. Образования и науки Туниса»;

Вот так, достаточно скромным образом в Севастополе было отмечено 100-летие, такого грандиозного события как окончание Гражданской войны 1917-1920 годов.

Балашов Н.Е. Советский проект и его последняя альтернатива

Балашов Н.Е., студент Севастопольского
государственного университета

Аннотация. В статье дан краткий обзор развития нашей страны с момента окончания боевых действий в Крыму и до крушения СССР. Рассматривается влияние Советского Союза на развитие человечества в XX веке. Анализируется жизнеспособность «Белого Крыма» Врангеля как альтернативы Советскому проекту.

Ключевые слова: Прогресс. Человечество. Советский проект. Врангель. Нежизнеспособность.

Balashov N.E.

Student of Sevastopol state university

Soviet project and its last alternative

Abstract. The article gives a brief overview of the development of our country from the moment of the end of hostilities in the Crimea until the collapse of the USSR. The influence of the Soviet Union on the development of mankind in the XX century is considered. The author analyzes the viability of Wrangel's "White Crimea" as an alternative to the Soviet project.

Keywords: Progress. Humanity. Soviet project. Wrangel. Unviability.

С 7 по 17 ноября 1920 года, в ходе Перекопско-Чонгарской наступательной операции, Красная армия, стремительным ударом разгромила армию Врангеля в Крыму. Белогвардейцы спешно эвакуировались в Турцию. Исход гражданской войны был предопределен. Революция победила. Успех Перекопско-Чонгарской операции ознаменовал собой переход нашей страны на принципиально и качественно новый этап своего развития. Россия изменилась навсегда, навсегда изменился весь мир. Начался беспрецедентный, по своему масштабу и дерзости, эксперимент по переустройству человеческого общества.

Советская Россия, не дождавшись революции в передовых странах Запада, вынуждена была приступить к социалистическому эксперименту самостоятельно. Фактор длительной политической, и отчасти экономической, изоляции многократно усложнял эту задачу. Советские руководители прекрасно понимали, что как материальных, так и культурных предпосылок для построения социализма в России недостаточно. Их нужно было создавать. Ключевыми вопросами становились проблемы промышленной индустриализации и культурной революции. Однако, в первую очередь было необходимо перезапустить пребывающую в глубоком кризисе экономику, восстановить разрушенное хозяйство, повысить производительность труда, наладить экономические связи между деревней и городом. Путем неимоверных усилий, принятия и воплощения в жизнь порой весьма неоднозначных решений (методы проведения коллективизации) все эти задачи были решены. Еще совсем недавно деревенская, преимущественно безграмотная, отсталая в промышленном плане страна, превратилась в одну из ведущих стран мира. В результате СССР не только одержал победу в Великой Отечественной войне, но и сумел распространить свое политическое, экономическое и идеологическое влияние далеко за свои пределы. Начавшаяся Холодная война, окончательно закрепила за СССР статус одной из двух ведущих мировых держав. К концу шестидесятых, все ключевые задачи, стоящие перед страной, были решены: развивались экономика и наука, была обеспечена всеобщая грамот-

ность населения, в сфере передового вооружения был достигнут паритет с США. Советский Союз начал покорение космоса и значительно преуспел в этом направлении. Именно наша страна впервые в истории запустила в космос спутник, вывела на орбиту живое существо, а чуть позже человека. Развитие «космических» технологий подспудно способствовало ускорению технического прогресса, как в самом СССР, так и в США, которые с энтузиазмом включились в космическое соревнование.

Важно отметить, что в сфере внешней политики СССР вел отнюдь не традиционную империалистическую политику, столь характерную для царской России и других великих держав. Советский союз помогал странам и народам, которые нашли в себе силы бросить вызов мировому империализму в освободительной борьбе. Поддерживал прогрессивные, социалистические движения по всему миру. Конечно, страны союзники СССР в некотором смысле лишались своей политической независимости. Такой же процесс происходил и с союзниками США. Принципиальная разница, во внешней политике двух стран гегемонов, заключалась в экономической составляющей. СССР, в отличие от США, не эксплуатировал своих союзников в экономическом плане.

Первыми законодательными актами советской власти стали декреты о мире и о войне. Их содержание обеспечило Советской власти поддержку подавляющей части населения страны. То есть крестьянства. Союз рабочих и крестьян обеспечил Красной армии победу в Гражданской войне. Крестьяне жаждали земли и получили ее. Однако, преобразовать общество и построить социализм, в рамках крестьянской страны было невозможно. С самого начала, молодая советская власть вынуждена была решать сложнейшее противоречие. Как строить социализм в крестьянской стране? Миллионы крестьянских хозяйств, с их мелким товарным производством, представляли собой потенциальную базу для реставрации капитализма. На основе этой базы: «капитализм сохраняется и возрождается вновь- в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом. Формы этой борьбы: мошенничество и спекуляция против государственной заготовки хлеба (а равно и других продуктов), – вообще против государственного распределения продуктов» -писал Ленин [10, с. 264].

В конечном итоге, после эксперимента с НЭП, был принят курс на принудительную коллективизацию. «Советы дали землю, а теперь ее отбирают-обман на лицо, такая власть нам не нужна» – так, или примерно так рассуждала немалая прослойка крестьян, в частности обладавших немалым весом в деревне «кулаков». Тем не менее, сопротивление несогласных было сломлено, зачастую весьма жестоким и трагичным образом.

Отметим, что коллективизация, в той жесткой, даже жестокой, форме в которой она была проведена в жизнь рассматривалась руководством страны как вынужденная необходимость. Многие в руководстве страны и партии (Бухарин, Рыков, Томский) и вовсе выступали против ее проведения, что, в конечном итоге, вызвало очередной раскол внутри правящей группы.

Основной целью коллективизации стало – осуществление социалистических преобразований в деревне. В результате должна была значительно повыситься производительность труда. Это, в свою очередь, должно было обеспечить бесперебойные поставки сельскохозяйственной продукции в города и на внешние рынки. Освободившиеся рабочие руки из деревни и доходы, от продаж зерна за границу, должны были способствовать успешному проведению индустриализации. Темпы которой необходимо было форсировать, в виду все более явной внешней угрозы.

Таким образом, параллельно с процессом коллективизации был дан старт программе форсированной индустриализации страны. Начался процесс модернизации-осовременивания страны. Крестьянская страна стала неимоверными темпами преобразовываться в городскую. Стоит отметить, что жизнь пролетарских масс в эпоху индустриализации была весьма непростой. Это было неудивительно. В городах попросту отсутствовала инфраструктура, способная одномоментно интегрировать массы крестьян. Однако и эта проблема была решена, после

ВОВ. Уровень жизни советских граждан после ВОВ стабильно улучшался. Массово строилось новое жилье – бесплатно предоставлявшееся населению, все более доступным становилось высшее образование, граждане получили возможность стабильно откладывать часть своей заработной платы на «черный день».

Однако параллельно, с перечисленными выше достижениями в Советском Союзе накапливались требующие своего разрешения противоречия. Ключевым из них стал тот факт, что материальная база, необходимая для перехода общества к социализму создана не была, в силу как субъективных, так и объективных причин. Попытка обмануть историю, сначала воспитать нового человека, а уж потом на его энтузиазме выстроить социализм не удалась. Свойственный раннему советскому человеку трудовой энтузиазм сменился пессимизмом и цинизмом. В результате, к середине восьмидесятых годов Советский Союз оказался в тяжелейшем экономическом и идеологическом кризисе. Не сумев преодолеть его, государство распалось. Фрэнсис Фукуяма поспешил сделать хвастливое объявление о «конце истории».

Белый Крым

Что же представлял из себя проект альтернативный советскому, проект «Белого Крыма» Врангеля? "Я добиваюсь, чтобы в Крыму, хотя на этом клочке, сделать жизнь возможной, чтобы показать остальной России; вот там, у вас коммунизм, голод и чрезвычайка, а здесь идет земельная реформа, заводится порядок и возможная свобода" – утверждал Врангель в беседе с монархистом В.В. Шульгиным [16]. Для реализации данной программы история отвела Врангелю около полугода. Чего же удалось достигнуть правительству Врангеля за отведенный срок?

Ключ, к построению «прекрасного Белого Крыма будущего», Врангель видел в проведении аграрной реформы. Продолжать борьбу с большевиками на имеющейся, весьма узкой, социальной базе было невозможно. Белогвардеец В.А. Оболенский, вспоминал: "Если без земельного закона в атмосфере ненависти всей крестьянской массы добровольческая армия при помощи английских пушек и танков докатилась до Орла и Брянска, то с земельным законом, который привлечет бы крестьянские массы на ее сторону, она наверное дошла бы до Москвы" [12, с. 20-21].

Должным образом проведенные земельные преобразования, попросту говоря юридическое закрепление за крестьянами уже фактически захваченной ими земли, должны были привлечь на сторону Врангеля крестьян, сначала в Крыму, а затем и во всей остальной России. Однако, комиссии, назначаемые Врангелем для разработки положений аграрной реформы, состояли из людей, изначально настроенных против ее проведения. Среди них: председатель союза землевладельцев – генерал Левашов, бывший Таврический губернатор – граф Апраксин, крупный крымский землевладелец В.С. Налбандов [12, с. 15]. Их отрицательное отношение к реформе было обусловлено их классовым положением и имущественным интересом. Этот фактор Врангелем совершенно не понимался и не учитывался.

Как результат – саботаж реформы со стороны самих реформаторов [13, с. 146]. Когда же, с третьего раза, Врангель все-таки сумел, вопреки воле своих ближайших сторонников, продать реформу в форме приказа (от 25 мая 1920 года), ее положения нисколько не убедили крестьян в необходимости поддержать Врангеля, о чем, впоследствии, свидетельствовали сами белогвардейцы: Г. Раковский, Н.Савич, А.Валентинов, И Калинин. Четыре месяца спустя, после опубликования Приказа о земле, в октябре месяце, Таврический губернский посредник по земельным делам Шлейфер докладывал: "не рискуя впасть в ошибку, можно сказать, что в земельном законе крестьянство видит шаг чисто политический и еще не верит в прокламированное законом уничтожение помещичьего землевладения" [3, с. 83-84]. Этот доклад, по сути, и есть главный итог земельной реформы Врангеля. Крестьяне Врангелю не поверили и за ним не пошли. Проведенный, а точнее продавленный, им аграрный приказ рассматривался крестьянами как демагогический жест отчаяния. Никакого расширения социальной базы не произошло. Реформа была провалена. Совершенно верным представляется вывод сделанный А.В.

Калягиным: "не короткие сроки определили провал аграрной реформы, а провал реформы предопределил эти самые короткие сроки существования режима Врангеля" [5].

Финансовая политика Врангеля.

В 1920 году Крым был наводнен различными бумажными дензнаками. Параллельно с банкнотами ВСЮР здесь функционировали дореволюционные "романовские", "думские", "керенские" рубли, украинские карбованцы, рубли Крымского краевого правительства, донские. Оставались в обиходе и советские рубли, несмотря на их официальное аннулирование. Количественная диспропорция между ними и стремительное обесценение денег ВСЮР поддерживали постоянно растущую разницу их курсов. К примеру, в июле – августе "романовские" были в 40-60 раз дороже рублей ВСЮР, "думские" – в 13, "керенские" – в 4, "донские" – в 2, украинские карбованцы – в 1,5 раза. Дензнаки, выпущенные до конца 1917 г., превратились в средство накопления и являлись предметом спекуляций; особенно усиленно их скупали предприниматели [6].

Наряду с рублями широкое обращение имела иностранная валюта. Ее курс по отношению к рублю стремительно повышался. Что было предопределено усилением экономической разрухи и большим спросом на валюту со стороны торговцев, занимавшихся экспортно-импортными операциями, и уезжавших из Крыма помещиков, и буржуазии, скупавших валюту для коммерческих операций и безбедной жизни за границей. В течение мая – октября цены на иностранную валюту, опережая рост цен на товары и продовольствие, выросли в 10-12 раз. В ноябре их курс поднялся еще более чем на 2000 %. С июля по октябрь 1920 г. стоимость английского фунта на бирже поднялась с 28000 до 105000 руб., франка – с 500 до 2100 руб., доллара – 7500 до 9000 руб. [Цит. по: 6].

Сложившийся финансовый порядок стимулировал беспрецедентную валютную спекуляцию. Банковские отделения и меняльные конторы, продавая валюту на 5 % выше покупной цены, наживали баснословные барыши. Попытки властей ограничить их деятельность или установить твердый курс на иностранную валюту приводили лишь к развитию черного валютного рынка... Деньги ВСЮР обесценивались.

К апрелю 1920 г. курс бумажных рублей ВСЮР упал по сравнению с довоенным курсом рубля более чем в 500 раз. В течение весны – осени 1920 года падение курса продолжалось, поскольку за период с апреля по октябрь в обращение было выпущено более 150 миллиардов рублей, не обеспеченных ни золотым запасом, ни произведенной товарной массой [15, с. 119-120].

Дополнительного ускорения инфляции придавал вывоз из Крыма частных капиталов, золота и драгоценностей, осуществляемый русскими эмигрантами. В июле были предприняты меры для ограничения вывоза драгоценных металлов и русской валюты. Реализовать эту меру не удалось, отъезжавшие свободно вывозили ценности контрабандным путем. Кроме того, данная мера вызвала сильное недовольство заинтересованных и влиятельных лиц, противостоя которому правительство счело нецелесообразным.

Запланированная денежная реформа, призванная стабилизировать финансовую систему Крыма, была свернута под нажимом мощного спекулятивного лобби. Номинально сосредоточивший в своих руках всю полноту власти на полуострове Врангель безропотно капитулировал перед бизнесменами-спекулянтами.

Попытка заручиться помощью, уже успевшей эмигрировать, российской буржуазии также потерпела крах. Последние, вывезя из России разными путями огромные средства, вложив их в экономику западных стран и наживая прибыли путем спекуляций на падении курса рубля, ограничивались лишь вынесением резолюций о поддержке Русской армии. В сентябре Кривошеин пригласил в Севастополь из Парижа и Лондона лидеров русских финансовых групп. Многие из приглашенных приехать отказались. Финансово-экономическое совещание, с участием все же приехавших предпринимателей, удалось организовать только во второй

половине октября. Никакой действительной помощи от этих "патриотов" правительство Врангеля не получило [6]. «Денег мы вам не дадим, но вы держитесь» – примерно такой ответ дали заморские бизнесмены.

Эмиссия денежной массы. До 19 мая Феодосийская экспедиция напечатала и через Феодосийское отделение Госбанка выпустила в обращение почти 12 миллиардов рублей. В течение июня экспедиция напечатала почти 17 миллиардов. В сентябре разменной мелочью стали банкноты в 500 руб., Управление финансов приняло решение начать выпуск банкнот достоинством 25000 и 50000 рублей. Бешеный темп инфляции привел к тому, что сентябрьский заказ Правительства, на 60 миллиардов рублей, был выполнен лишь на 75%. Правительство Врангеля не смогло справиться даже с производительностью необходимого количества эмиссионных знаков.

Для увеличения эмиссии Управление финансов решило приступить к печатанию банкнот достоинством в 25000 и 50000 руб., а на октябрь экспедиции был дан заказ на 150 миллиардов рублей.

В общей сложности, с февраля по октябрь Феодосийская экспедиция напечатала, а Феодосийское отделение Госбанка выпустило в обращение около 177 миллиардов рублей, покрыв дефицит бюджета правительства юга России, составлявший порядка 250 миллиардов, примерно на 70 процентов [15, с. 119-120].

Подобные темпы эмиссии означали безудержное падение курса рубля при непрекращающемся росте цен. Это означало полное банкротство финансовой политики Правительства Врангеля.

К ноябрю 1920 г. курс рубля по сравнению с 1914 г. упал более чем в 10 тысяч раз. Цены на продовольствие с апреля по октябрь поднялись в среднем в 16-20 раз, на промышленные товары – в 12-15 раз, на топливо – в 50 раз. Соответственно росту цен прожиточный минимум семьи из трех человек составлял: в марте – 23000 руб., в апреле – 61000 руб., в мае – 150000 руб., в июне – 144000 руб., в июле – 152000 руб., в августе – 214000 руб., в сентябре – 325000 руб., в октябре – 535000 рублей [14, с. 230-231].

Инфляция парализовала работу банков. Финансирование производственной сферы стало попросту невыгодно. Куда большую прибыль приносили банкам спекуляции на падении курса рубля. В Крыму начался банковский бум, процветало лихорадочное учредительство новых банков, общая численность которых превысила 80. Сами банки были заинтересованы в инфляции и ей способствовали.

Обвальные темпы инфляции, сводили на нет все попытки восстановить промышленное производство на полуострове. В условиях постоянного роста цен вкладывать деньги в производство было равносильно разорению. Предприниматели перекачивали капиталы из производственной сферы, не гарантировавшей даже "нормальной" прибыли, в торговую, где в условиях товарного голода можно было получить сверхприбыль за счет одной только конъюнктуры, причем на внешнеторговых операциях – в иностранной валюте, которая давала возможность перенести бизнес в благополучные западные страны.

Не удалось Врангелю навести должный порядок и в сфере непосредственного государственного управления. Это было неудивительно. Мотивация чиновников к должному исполнению своих обязанностей была сведена к нулю. Низкий заработок и высокие цены способствовали их коррумпированию, предчувствие военной катастрофы накладывало печать апатии и безразличия.

Задача сокращения «раздутого» штата чиновников, представлявшаяся Врангелю одной из ключевых, также была провалена. Чиновники попросту перебирались из упраздненных учреждений во вновь открывавшиеся. Сделать это было несложно, поскольку руководители различных административных учреждений постоянно стремились к расширению своего штата. Чем больше был штат учреждения, тем серьезнее было государственное финансиро-

вание. В условиях крайне ограниченного государственного бюджета в Крыму развернулась межведомственная борьба за финансирование. В частности, Управление торговли и промышленности и Управление финансов противостояли друг другу по вопросу регулирования экспортно-импортных операций и контроля за деятельностью частных банков. Управление торговли и промышленности конкурировало с Главным интендантством за средства, опускавшиеся на закупку хлеба [2; 7, с. 287; 12, с. 12, 61-63]. Н. Росс приводит текст Приказа №323, за август 1920 года, в котором Врангель указывает на следующие факты: "Наряды не соответствуют количеству материалов и выдаются не в те склады, куда нужно. Материалы переводятся из склада в склад помимо Главного Интенданта, без его ведома и разрешения, наконец, важные решения комиссии об увеличении цен на продукты являются каким-то секретом от другого ведомства, коему надо было дать знать об этом в первую очередь" [13, с. 120].

Естественно, в таких условиях, ни о какой согласованной работе Правительства не могло быть и речи. Законодательные предложения различных ведомств противоречили друг другу и тонули в океане бюрократических согласований и уточнений. Старая бюрократическая практика создания междуведомственных комиссий, к которой широко прибегал Кривошеин, не могла изменить ситуации, поскольку начальники весьма часто вообще игнорировали заседания комиссий, работа их затягивалась и решения не выполнялись. Врангель констатировал в одном из своих приказов: "Канцелярская волокита и междуведомственные трения сводят на нет все мои начинания" [Цит. по: 6].

Таким образом, ни навести порядка в аппарате управления, ни должным образом провести аграрную реформу (и тем самым расширить свою социальную базу), ни поправить экономическое положение Крыма белогвардейцам не удалось. Убежденный монархист, очевидец белогвардейской эпопеи в Крыму- Немирович-Данченко подводил под Крымским экспериментом Врангеля следующий итог: сверху прострация, по середине саботаж, а внизу спекуляция» [11, с. 104]. С ним невозможно не согласиться.

Подведем итог. Несмотря на конечную неудачу и многочисленные перегибы, Советский проект оказал мощнейшее позитивное воздействие на развитие человеческого общества в пределах всей планеты. Поспособствовав расширению социальных и политических прав трудящихся во всем мире, национальному освобождению колониально зависимых народов, развитию науки и техники. Реализация Советского проекта, с его курсом на ускоренную модернизацию и индустриализацию России, позволила в кратчайшие сроки создать мощнейшую экономику, должным образом перевооружить армию. Не произойди этого и победа нашей страны в ВОВ была бы попросту немыслима, а это грозило ей фактическим уничтожением.

Последний Белогвардейский проект, оказался принципиально нежизнеспособным. Врангель не сумел, провести в жизнь даже самые насущные, жизненно необходимые, для выживания собственного режима, реформы. Крым, в 1920 году, стал прообразом того «светлого будущего» которое население нашей, распавшейся на части, страны прочувствует на себе в «лихие девяностые». Инфляция, девальвация, коррупция, произвол, безработица, громкие обещания, нежизнеспособные реформы, слабость центральной власти – все это, далеко не полный, перечень характеристик политического режима Врангеля в Крыму.

Блестяще проведенная Перекопско-Чонгарская операция навсегда отправила последний белогвардейский проект на обочину истории. Народы, населяющие бескрайние просторы нашей Родины, получили исторически беспрецедентный шанс начать строительство социалистического государства.

Тот факт, что Советский Союз, в конечном итоге прекратил свое существование, отнюдь не означает, что социалистические идеи и идеалы потерпели полный и окончательный крах. Скорее наоборот, крушение СССР стало реакцией на конечное расхождение между высокими социалистическими идеалами и реальной жизнью внутри советского общества. Драматическое разрушение СССР отнюдь не означает, что грандиозная цель, по построению общества, в

котором «свободное развитие каждого является основой свободного развития всех», является принципиально невыполнимой. В конце концов, если не все человечество, то подавляющая его часть, должно принять данную цель, как только должным образом с ней ознакомится. Независимо от того, достижима эта цель буквально, или нет, она должна быть тем конечным идеалом, к которому человечество должно стремиться. Современное развитие производительных сил дает надежду на приближение к данной цели уже в ближайшее будущее.

Список использованной литературы

- Бузгалин А.В., Булавка Л.А., Колганов А.И. СССР: Оптимистическая трагедия. – М.: УРСС, 2017 – 442с.
- Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. В 2 т. – Минск, 2003. – Режим доступа: https://royallib.com/book/vrangel_petr/zapiski.htm
- Гуковский А.И. Аграрная политика Врангеля // Красный архив. – М.-Л.: ГИЗ, 1928. – Том 26. – 188с.
- Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. – М., 2009 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://avidreaders.ru/download/periferiynaya-imperiya-cikly-russkoy-istorii.html?f=pdf>
- Калягин А.В. Аграрная реформа П.Н. Врангеля. (К вопросу отношения крестьянства). – Режим доступа: <http://www.krimoved-library.ru/books/krim-vrangel-1920-god9.html>
- Карпенко С.В. Врангель в Крыму: государственность и финансы. – Режим доступа: <http://www.krimoved-library.ru/books/krim-vrangel-1920-god8.html>
- Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России(1917-1920гг.). – М.: Издательство Ипполитова, 2002. – 351 с.
- Колганов А.И. Путь к социализму, пройденный и не пройденный, от Октябрьской революции к тупику «перестройки» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://royallib.com/book/kolganov_andrey/put_k_sotsializmu_proydenniy_i_neproydenniy_ot_oktyabrskoy_revolyutsii_k_tupiku_perestroyki.html
- Лазаревич А. Советия [Электронный ресурс] Режим доступа: http://technocosm.narod.ru/k2f/Sovietia_toc.htm
- Ленин В.И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Избранные сочинения. – М.: Политиздат, 1961. – Т.3. – 818 с.
- Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. – Берлин: Типография Р. Ольденбург, 1922. – 119 с.
- Оболенский В.А. Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца. – М.-Л.: ГИЗ РСФСР, 1928. – 87 с.
- Росс Н.Г. Врангель в Крыму. – Франкфурт на Майне: Посев, 1982. – 379 с.
- Хвойнов П. Рабочее движение и профсоюзы в Крыму в 1920 г. // Антанта и Врангель сборник статей.: М. Государственное издательство 1923. С. 219-231.
- Шафир Я. Экономическая политика белых // Антанта и Врангель сборник статей. – М.: ГИЗ, 1923. – 260 с.
- Шульгин В.В. 1920 год. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://royallib.com/book/shulgin_vasily/1920_god.html

Баранецкий А.Н. О философско-бюрократическом значении констатации конца гражданской войны в России в 1920 году (к историософскому и культурологическому значению революции и гражданской войны в России)

Баранецкий А.Н., к.ф.н., Институт развития образования

Аннотация. Работа посвящена проблеме перманентности гражданской войны в информационном поле. Показано превращение этой войны в психоделическую. Ставится проблема констатации «окончания» гражданской войны. Автор констатирует значение эстетических оценок для придания долговременного характера гражданской войне для разрушения общественного согласия. В консциентальной войне не нужен процесс познания, при применении консциентального оружия используются образы, впечатления, оценки. Оценки навязываются чаще всего морально–эстетические, формирующие отвращение к врагу и разрушающие чувство жалости. Автор считает, что социальная напряжённость существенно снизится, если сделать процессы обесчеловечивания предметом публичного и массового мониторинга и шаг за шагом обновлять качество кадров.

Ключевые слова: эстетика на службе политики; образ врага; психоделическая война; консциентальное оружие; длительность мести; практика сатисфакции.

Baranetskiy A.N.

PhD in Philosophy, Institute for Education Development

About the philosophical-burocratic significance of the constataction of the end of the civil war in Russia in 1920 (To the historiosophical and cultural significance of the revolution and civil war in Russia)

Abstract. The work is devoted to the problem of the permanent character of the civil war in the information field. The transformation of this war into a psychedelic is shown. The problem of establishing the "end" of the civil war is posed. The author states the importance of aesthetic assessments for imparting a long-term character to the civil war for the destruction of social harmony. The process of cognition is not needed in a conscientious war; images, impressions, assessments are used in the use of conscientious weapons. Moral and aesthetic assessments are most often imposed, forming aversion to the enemy and destroying the feeling of pity. The author believes that social tension will significantly decrease if the dehumanization processes are made the subject of public and mass monitoring and the quality of personnel is updated step by step.

Keywords: aesthetics in the service of politics; the image of the enemy; psychedelic war; conscientious weapon; duration of revenge; practice of satisfaction.

Бюрократическое определение войны и бюрократическая констатация конца войны связаны с вопросами о власти и их отражением в документах. Сущность войны при этом может игнорироваться. И сущность военных действий разного типа тоже может игнорироваться.

Поэтому даже в широко известных и резонансных действиях СМИ весьма часто можно встретить ту констатацию, что на территории СССР и Российской империи война гражданская вовсе не закончилась. Оговорка, – что мол, она продолжается в душах и в умах, – эта оговорка сущности процесса не меняет.

Формы и алгоритмы мщения, качество мстительности как явления истории нравов редко отслеживаются в специализированных исторических анализах. Роль мести и влияние готовности мстить на деструкцию политических режимов явно недооценивается.

Недооценивается, по нашему убеждению, также способность к мщению со стороны масштабных субъектов: этносов, классов, наций. Важно подчеркнуть, что во многих исторических исследованиях есть порочная недомолвка: субъектом – что вполне логично – называется именно тот социум или та личность, которая выполняет некую детерминирующую роль в социуме (более крупном социуме), в истории. Но при этом мало где можно встретить анализ поступков или инициатив этого крупного исторического субъекта – этноса, класса, нации. Историки по инерции естественных наук стараются отразить объективные срезы – так называемые «движущие силы исторического процесса», «роль выдающейся личности в истории», «ведущая роль коммунистической партии в организации борьбы...». Но эти «движущие силы», эта «личность», эта «политическая партия» – субъекты, субъекты особые, субъекты, которые взяли на себя роль – воплотить в жизнь объективный тренд. Часто это не удавалось, не удавалось именно потому, что (пользуясь выражением В.И. Ленина) не «созрели субъективные предпосылки». И исторический тренд пробивал себе дорогу где-то в соседних социумах, в следующем десятилетии или столетии.

Гражданские войны, как представляется, не обходятся без мести. И особенности мести много говорят для характеристики качеств субъекта истории, каковым был и остаётся великий народ. В терминологии историков традиционно используются такие выражения как «восстановление исторической справедливости», «возмездие». Но эти процессы ведут своё происхождение именно от той традиции истории нравов, которая называется словом «месть». Справедливая или несправедливая – это иная тема для иных исследований. История нравов – часть истории нравственной культуры, а история нравственной культуры – это часть истории общей культуры. Поэтому политика, как часть политической культуры может быть определена как процесс отношений субъектов исторического процесса. Следовательно, качества и способности субъектов исторического процесса – одна из базовых детерминант этого процесса, именно то, что историки называли зрелостью субъективных предпосылок.

Если противоборствующие субъекты исторического творчества являются вполне зрелыми и самодостаточными, то в многогранном современном мире уничтожить их полностью – достаточно проблематично. Они могут эмигрировать и передавать через поколения, носить в себе императивы типа «Карфаген должен быть разрушен». И каждый из субъектов гражданской войны вполне может быть носителем священной веры в справедливость своих идеалов, святынь и традиций. И видеть в будущем реванш, возмездие, месть как свой священный принцип.

Не исчезала с планеты Земля белогвардейская эмиграция, не исчезли на планете и фашисты, они создали неонацизм.

Советская идеология, пропаганда и даже официальная наука практически не затрагивала ту грань этической проблематики гражданской войны, которая бы анализировала сущность мстительности.

Хотя классовая борьба действительно перманентна, она идёт столетиями, а гражданская война – лишь один вид её кульминации.

Не менее важны морально-нравственные мотивы и традиции, они классовую борьбу не просто сопровождают, они могут повлиять на длительность использования тех или иных форм вражды, ненависти, борьбы.

Общепризнанное неприятие бюрократического аппарата было одной из граней поддержки революционеров во всех революциях в разных странах, в разные эпохи. У бюрократического класса есть его собственная философия и есть его собственная система ценностей. В этой философии высшая ценность – власть. При этом зачастую более качественной считается власть

не явная, а тайная. В первую очередь потому, что явной властью народ может быть недоволен, против явной власти народ способен поднять восстание. А вот о тайной власти население ничего не знает, поэтому любая ненависть народных масс будет направлена мимо.

Документооборот обычно был инструментом власти, поэтому связи с документооборотом как симптом и символ бюрократизма часто заслоняли сущность этой философии и этой системы ценностей. Лидер большевиков В.И. Ульянов-Ленин писал в последние годы жизни о бюрократизме: «...если что нас погубит – то это...».

И особенно остро Ленин начал понимать опасность бюрократического мировоззрения и мироотношения именно после завершения гражданской войны, то есть после 1920 года.

На этом фоне совершенно не случайной и совершенно не надуманной теперь выглядит идея о перманентном обострении классовой борьбы, которую настойчиво предлагал И. Джугашвили (Сталин). Но в силу того, что у Сталина не было достаточно философско-методологического понятийного аппарата, он не смог обнаружить – в чём именно состоит и в какие формы трансформируется классовая борьба после того, как военными методами победа достигнута. Сам по себе бюрократизм не может считаться атрибутом отдельной общественно-экономической формации. Но его могут быстро приспособить под свои классовые потребности любые классы, которые захватили центр власти в социуме. Или не сумеют приспособить.

Бюрократическая система во все эпохи работала на эксплуататорский класс и сама была инструментом эксплуатации. Если в 1920 году с точки зрения философии бюрократизма война завершилась, то с точки зрения диалектико-материалистической философии гражданская война вполне завершится только тогда, когда в обществе совершенно ненасильственными методами будет устойчиво воспроизводиться общественное согласие, быть может даже того или иного уровня (хотя бы не высшая) социальная гармония. То есть, для начала исторического анализа лучше бы подумать не о «перманентном обострении» классовой борьбы, а о перманентной модернизации форм, методов, инструментов и тактик классовой вражды, о росте меры изощрённости. А для этого важно дополнить понятийный аппарат для анализа таких сфер реальности, которые поныне ускользают от исследователей или отданы на откуп художественным, публицистическим методам отражения. изучения реальности.

В данном докладе предлагается ввести в круг научных понятий редко употребляемый оборот речи, в котором чётко и нелицеприятно фиксируется отказ признавать своего врага за человека вообще. Враг как вид человека – это один мировоззренческий статус. А вот враг как «человекоподобная мразь» – это иной мировоззренческий статус.

В 70-е и в 80-е годы в СССР СМИ, радиопередачи и художественные произведения стали широко распространять образы врагов советской власти как образы людей – пусть ошибавшихся, порочных, не любивших простой народ, – но – людей.

Их не расчеловечивали. Наоборот, напомнили, что они тоже были людьми, именно напомнили – ведь «Хождение по мукам» Алексея Толстого показывает врагов революции как людей, хоть и враждебных.

Тогда как в 90-е годы постмодернистская литература с глумлением и цунами издевательств поливала сознание народа образами большевиков и красных командиров, как крайне противоестественных и странных фигур. Достаточно вспомнить массу публикаций о том, что «Ленин – гриб». Сталина до совершенно неправдоподобных форм рисовали как организатора таких тотальных истребительных мероприятий, каковые не укладываются ни в какие резонные рамки. Чтобы вывести Сталина из логического объёма понятия «человек» до сих пор применяется простой приём: Гитлер исследован был Фроммом как «клинический случай некрофилии», про Гитлера можно много рассказать, чтобы почувствовать, что к людям его относить не стоит, после этого просто клеится ярлык: «а Сталин ещё хуже, так как он руководил дольше». А это расчеловечивание.

Гитлер действительно был совершенно бесчеловечным. Но Ленин и Сталин организовывали расстрелы в рамках целесообразной заботы своей власти, а не как стратегию. И прекрасно известно, что после гражданской войны массовые расстрелы прекратили. И при этом – никого из историков «либерально» – постмодернистского толка не интересует – сколько людей спасли и Ленин, и Сталин. Для расчеловечивания им вменяется в вину всё социальное зло той эпохи.

Аргументация, как правило, вообще не приводится.

Соответствие реальности постмодерниста не интересует в принципе, он создаёт эпоху «постправды» и «новой нормальности». Лишь бы враньё было «впечатляющим». Консциентальное оружие чаще всего строит своё воздействие на впечатлениях, его результат – шок. В информационно-психоделической войне важнее всего ошарашить, а потом закрепить ужас *формированием устойчивого эстетического отвращения*.

Когда враги в гражданской войне передают следующим поколениям эстафету вражды и ненависти, то зафиксированный в документах конец гражданской войны в декабре 1920 года – это лишь начало следующего этапа. И в 1991 году состоялся совершенно недвусмысленный реванш и сделали этот реваншистский возврат власти именно бюрократические кланы. 70 лет для диалектико-материалистического анализа истории – это не такой интервал времени, чтобы мы могли надеяться на смену социально-экономической формации. Срок меньше столетия – это пока что не тот интервал времени, чтобы социально-экономическая формация могла полностью уступить место иной ОЭФ.

Поэтому вопрос о том, завершилась ли гражданская война – это вопрос о критериях и логических объёмах понятий «война» и «гражданская война».

Строго логически говоря – гражданская война заканчивается с исчезновением сторонников известного мировоззрения, практического мироотношения – то есть с исчезновением непримиримых врагов.

Как могут затягиваться периоды модернизации (запаздывать, тормозиться, ходить по кругу), так могут затягиваться и гражданские войны (если рассматривать их не как боевые действия), никакие критерии не требуют запретить использование термина «гражданская война» в рамках понятия «информационная война». «Информационная гражданская война» – это важный предмет исторических исследований. Но они не начинались.

Почему именно наша гражданская война так долго не может завершиться – это вопрос может найти свой ответ в рассмотрении особенностей мироотношения вообще и отношения восточных славян ко ВРЕМЕНИ, к темпоральности – в особенности.

Это – проблема участия в прогрессе человечества группы народов, которые определены как восточные славяне. Их место в рационалистических новациях Западной Европы и особенности вестернизации в нашей цивилизации – одна из причин затянувшейся гражданской войны.

Английская и Французская революция предшествовали революциям 1905-1917 года в России. На исторической дистанции видны совершенно закономерные объективные исторические процессы. Социально-экономические детерминанты Английской, Французской и Русской революции, как и детерминанты Английского, континентального и Русского Просвещения позволяют рассматривать все эти попытки создавать Новую Социальную Реальность по ПРОЕКТУ как звенья одной логики внедрения проектирующего отношения к социальным преобразованиям и сопротивлению им. Но в консциентальной войне не нужен процесс познания, при применении консциентального оружия используется понимание того, что у 90% населения научного мировоззрения нет вообще, им дают образы, имиджи, впечатления, оценки. Оценки навязываются чаще всего именно морально – эстетические. Враг – мерзок, безобразен, он моральный урод, дико безнравственная тварь, сгусток всего низменного и отвратительного.

Врага не должно быть жалко.

Мсть и мстительность с обеих сторон, идеи «исторического возмездия», «реализации исторической справедливости» – закономерные и симметричные, устойчиво проявляющие себя в истории практики, идеологемы, программы и вектор усилий.

Эта особенность названа здесь «практика сокроенной сатисфакции».

Поэтому о практике сокроенной сатисфакции в истории восточных славян и особенностях глобальных прогнозов на первую половину 21 века можно говорить, как о результате исторической *инерции*.

Конечно, национальные особенности мстительности и возмездия – как проблема повседневности тоже существует. Но масштаб морально-нравственного мироотношения может меняться – для метода рассмотрения – практика сатисфакции есть как на микро-уровне, так и на макро-уровне; то есть при этом практика сатисфакции присуща как отдельной личности, так и многомиллионному народу.

В эпоху глобализации эта практика касается, прежде всего, субъектов мировой экономики. Средства связи быстро совершенствуются, средства контроля и слежки тоже. А вот улетать с планеты Земля ещё пока некуда. Следовательно, неизбежны несколько десятилетий при которых законы жизни в обществе будут очень сильно напоминать мир Средних веков: все всех знают. "Большая деревня". Нет земли без господина.

Все всем надоели и благонаравно демонстрируют изображение неподдельной любви к ближним и дальним. А по ночам, засучив рукава, одни готовятся к кровавой вендетте, другие создают опричнину, тайный сыск, инквизицию, слежку за вольнодумцами, оборудование для Торквемады и его подручных. И вот тут скажутся национальные особенности.

Моральный пафос при этом гарантирован тоже тотально.

Поэтому прошу читателя принимать моральный пафос отдельных страниц как моральный пафос страниц, но не автора.

Можно разбудить фантазию и думать, что итальянцы будут создавать компьютерные игрушки в "Кровавую вендетту". У них пар жажды кровной мести уже давно выкипел.

Иное дело восточные славяне. Здесь минимум один процент населения спит и видит ответы на великие вопросы 19 века: "Что делать?" и "Кто виноват?". И по-герценовски, и по-ленински.

Потому, что долготерпение растягивается на столетия.

Социологически картинка пёстрая.

Виновником распада СССР одни считают Америку (США), иные – олигархов типа Березовского, Гусинского. Реже – оставшихся тут, а не уехавших туда – тут уже напишем с маленькой буквы как имена нарицательные – абрамовичей, ахметовых (из УССР), дерипасок. Реже винят партаппарат, который плавно превратился в госаппарат и олигархат. Кое-кто присматривается к «деловым людям» своего города с мечтой стать чиновником и ободрать как липку бизнесмена

Это – смысл малодушной мечты малограмотной «черни».

Но не меньше малодушия было и у наследников духа «белой кости и голубой крови». «Новая поэзия» СССР содержит образы «человека-травы», который восстал против господ в слепоте и ненависти просто потому, что слепота и ненависть – это его атрибутивные качества. «Человека траву» надо бы косить, кушать его, питаться его соками, а он претендует стать кем-то? Так мировоззрение «аристократов» отказывает в статусе человека «черни», «быдлу», «ско-там».

Многие из этих горе-аристократов не знают, что простой народ тоже давно отказал им в статусе людей. Эпоха Разина и Пугачёва оставила весьма симптоматическую память: одного из пойманных атаманов восставших спрашивают:

«– Неужели вы надеялись вашим войском деревенским столицу империи Санкт-Петербург штурмом взять?»

– Нам не столицу царскую брать надо, а то, чтобы вашего козлячьего дворянского отродья на нашей земле отродясь не водилось!»

Думается, что отказ в статусе человека классовому врагу здесь очевиден. Кто-то хранит и передаёт в будущее эту ненависть, этот отказ в статусе людей своим классовым врагам.

Где и как, в какой эмиграции хранят себя силы «низов», «идеологи престопадаря», «красные», «коммунисты»?

Под распадом СССР публицисты подразумевают чаще то, что потеряли там и тогда конкретные социальные группы или даже каждый лично, чем ту страну, которая декларировала намерение реализовать социальный проект под названием "научный коммунизм". Если бы была преданность именно к этому социальному проекту или комсомолу, то кто мешает уехать навсегда в Китай, где В.И. Ульянова-Ленина переиздают и комсомол как комсомол. Ведь в научном коммунизме раса и род не имеют значения. Ан нет, многие «члены партии коммунистов» предпочитают жить в столицах России, но не подарить всю свою жизнь строительству коммунизма с китайской спецификой.

Конечно, кроме бегства в Китай и прозябания в местном абсурде есть шанс уйти на Запад, если хватит сил, если Запад примет. Но в том – то и дело, что уже ушли, почти все, кто хотел и мог. Остальные живут с памятью обид на обидчиков.

И практика трансляции завещания внукам не будет содержать ничего из социальных проектов или рациональных советов. Рационализм, разумность в практике сокровенной сатисфакции не обязательны.

Особенности национальной мстительности у восточных славян заключаются в том, что – по контрасту с западом – она идет не публично, а сокровенно, потаённо. На Западе срок давности снижает её напряжение, а у восточных славян наоборот "ярость благородная" тем более будет свирепствовать лютым неистовством, чем долее должок кое-кто "приховывал", "припрятывал", замалчивал. Здесь закономерность просматривается в выражении, которое формулируется через слова "сторица" и "стократно". «Стократное воздаяние сторицей» – это формула практики сокровенной сатисфакции. Эта особенность обусловлена тысячелетней традицией передавать детям и внукам как главное и тайное завещание ориентиры ненависти и любви. Разумеется, дети и внуки частенько вестернизируются.

Но это не значит, что жажда стократного воздаяния сторицей исчезнет, нет, нет, её просто переименуют в импортные словечки, ну – например назовут «длинным дедлайном дуболомства», или «трансцендентной жаждой черепно-мозговой лоботомии», или «Постановка на счётчик с геометрической прогрессией без ограничения по срокам начисления процентов».

Но это будет всё та же жажда стократного воздаяния сторицей. И всё-так же по-славянски – для того, чтобы не быть зависимым от выходов законодательских инициатив очередной казачьей ватаги Разина, Пугачёва или «братвы» 90-х годов – эта жажда будет передаваться через пару поколений – чтобы вымерли и Разины и Пугачёвы и «новые русские» и «старые большевики». Законы передачи по наследству жажды мести – это не законы быта. И совсем не юридические. Они социологические.

Быт перекраивали власти.

Висели плакаты – «Мы за новый быт!».

Революции сверху бывали в этой цивилизации даже чаще чем революции снизу. Есть специальное исследование Натана Эйдельмана "Революции сверху в России". А вот социальные взрывы обычно были обратной стороной долготерпения народа. Длительность этого долготерпения обычно бывала кратна жизни трёх или пяти поколений. Внуки или их внуки брались восстановить порядки дедушек или "дедушек наших дедушек". Это в полной мере касается всех восточных славян – от лукавого будет слушать сказки, что украинцам – де «стократное воздаяние сторицей» неведомо и они будут страшно нетерпеливо мстить здесь и теперь с горячностью испанцев.

"Возвратить" должок сторицей и стократно надобно бывало на практике и без каких бы то ни было "оформлений" "юридически – правового" характера. В этой сокровенной бухгалтерии морально-нравственных догов дети должника должны более родителя, а внуки ещё более.

И напрасно наивный переводчик на западные языки будет думать, что после сотого взимания стократно рассчитывавшегося и взятого долга можно ставить точку.

"Сто" – это просто во много раз больше, чем "семь".

А «семь» – это превышение любой разумной меры.

Это не арифметическое понятие, а символ утоления тайной жажды. Наш человек не останавливается до тех пор, пока лютостью не изойдёт. Глагол "лютовать" на иностранные языки одним словом не переводится. Иноземцам надо абзац написать, чтобы иноземец понял – что значит «изойти лютостью».

В контексте такого культурологического факта представляется весьма серьёзным и теоретически необходимым предложить ввести в круг научных понятий уже предложенное выше слово с ярко выраженной негативной окраской и известной экспрессией, это слово концентрирует в себе как нетерпимость, так и эстетическую «абсолютизацию» омерзения. Этот термин часто использовался для оскорблений. Это слово «мразь». Ввести его для научно-культурологического анализа необходимо именно для того, чтобы чётко зафиксировать ту реальность взаимного отторжения противников в гражданской войне, которая реально была и не исчезла. Врагов часто за людей не считали, но человекоподобными признавали. Враждующие стороны не использовали словосочетание «човекоподобная мразь», но ради точности определения мироотношения надо использовать именно такое словосочетание. Образ «человека-травы» или «чернь» – это что-то человекоподобное. «Козлячье отродье» – это тоже не козлы.

«Ненависть» как тайный элемент наследуемого по завещанию объединяет эту традицию с традициями "кровной мести" в иных цивилизациях. Эта ненависть в кавычках, так как чаще это не ненависть, а злое омерзение по отношению к человекоподобным мразям, которых присутствие придётся терпеть пожизненно.

При этом мера сокровенности иная, не такая как у иноземцев. Алчность – не жажда, а ярость – не злоба или гнев. Поэтому она не объявляется в голос при всей семье, а сообщается втайне от многих – как сокровенная обида. Никакие социологические опросы не смогут её запросто фиксировать, тут особые методики для исследования сокровенного требуются. А их нет.

Конечно, аристократы, дворяне – те запросто открывали рот и выдавали тайную ненависть: "Самовластительный злодей, тебя, твой трон я ненавижу, твою погибель, смерть детей с жестокой радостью вижу" А.С.Пушкин.

Написано за век до расстрела царской семьи.

Сегодня молчат о гордости большевиков на тему "исполнения завещания" А.С. Пушкина в осуществлённом расстреле царского "отродья-выродков". Сегодня молчат и о том, что официальная пропаганда политического режима СССР все 70 лет подчёркивала духовное родство этого политического режима с реализацией чаяний восставших из истории – римского Спартака, российских Болотникова, Разина, Пугачёва, народовольцев и т.п. Простой народ копил обиды совсем не так, как дворяне или интеллигенты – большевики. И простым расстрелом внуки – правнуки обидчиков не отделаются. Есть вещи похуже, чем смерть.

И простой народ это знает. Поэтому и не торопится с проклятьем.

Секрет славянского долготерпения в грандиозности того "проклятия", которое будет накладываться на "нелюдей". Это и не проклятие вовсе в собственном смысле слова, которое известно во многих цивилизациях.

Жажда изничтожить причину причин той скверны, которая через человекоподобную мразь вылезла и вонзила зубы в моих детей – это не проклятие. Это совершенно проникновенное отношение к любой человекоподобной мрази, как к языческому богу зла – Локи.

И если эта мразь будет разговаривать по-человечески, на русском языке, то разговор с имитацией человеческих форм общения будет длиться сначала столько, сколько выдержит мразь. А потом, – когда она явит свою смертельно шаловливую кривду, ей ещё и ещё раз будет предоставляться шанс умереть самой.

Её шаловливость – это развлечение себя.

Русичу думается, что рукоблудие самодовольной кривды через тысячи "самоублажений" окончится полным бессилием. Есть вопрос: "Шалишь?" Его тысячу лет задавали именно перед смертельной схваткой. Русичи не просто "не торопятся" с пробуждением "ялости благородной". Режиссёр из Севастополя Сергей Стрижак снял на эту тему особый художественный фильм "Славянские привычки". И отказал всем порокам в статусе такой привычки. А славянской назвал одну привычку.

Горестную, но реальную. Называется она "терпеть до последнего".

Это надо для того, чтобы дать мрази все шансы стать человеком. Все-все-все шансы.

Чтобы самому остаться человечным до конца.

Аккуратным и опрятным приверженцам вестернизированной эстетики поведения долготерпение кажется «постыдным».

Но «постыдное» долготерпение славян – подобно отношению правдивого и праведного юродивого к находящейся рядом роскошной блуднице, которая растлена не только телесно, но и довольна собой, своей кривдой и вельможным правом упиваться своеволием.

"Велю – можно", вельможно, "не велю" – нельзя.

Так что сокровенно тайное обнаружение того, что "сто" означает "сто раз по сто" – нормально. А о том, что касается юридического оформления, то есть же поговорка "На небе Бог, на Земле – Россия". Ежели можно подстелить законодательство под этот принцип, то наша способность к уникальному законотворчеству и не такие алогизмы умудрялась узаконить.

Какие формы примет эта традиция тайной практической передачи по наследству "гроздьев гнева" в эпоху мобильной связи и Инетернета? Боюсь, что удручающие. Гнев праведный и ярость благородная являются такими для первого завещающего. А дети и внуки носят в себе это завещание по-разному. Гнев и ярость накапливать столетиями люди научились уже давно. Накапливать праведность и благородство столетиями пока не научились.

Но в любую эпоху высокая нравственная культура была и росла, количество её носителей могло сильно падать, потом нарастать... Но высота не падала... Современная нравственная культура тоже, тем не менее, строится на логике наращивания ценности человеческого существования.

Когда вы трудитесь над тем, чтобы ценили меня.

А я тружусь над тем, чтобы ценили Вас.

И не важно "кто первый начал".

Важно, – кто больше успел сделать для того, чтобы у Вас всё было хорошо и прекрасно, чтобы вас ценили, поэтому ТАЛАНТ создаёт шедевры так, что люди даже не знают, что больше ценить – любовь к жизни, которую разбудил в нас шедевр или создателя шедевра с благодарностью и восхищением за то, что он нам и нашим детям свои шедевры оставил.

А вот ужасные и несчастные субъекты («не люди») получают в народе названия «НЕЛЮДИ» уже более тысячи лет, ударение переезжает с буквы «Ю» на букву «Е» и уже тысячу лет значение этого термина далеко отъехало от простого удивления перед человеком нелюдимым – нелюдимый – тот, кто сторонится людей. Сам он может быть и добр, и мил. Это нелюдимый. Но быть может его многие обижали, вот он и сторонится.

Иное дело «нЕлюдь» – вот он и есть та самая человекоподобная мразь, которая вызывает жуткое эстетическое отвращение, соблазн убить и ненавидеть – коли убить его ты не в силах и уж тем более не в правах.

Поэтому – шёпотом – именно как про жутковатых чудовищ – более страшных, чем волки с человеческой кровью на зубах – на волков силу и управу найдут... а нелюдя ещё разгадать надо – во про них, про жутких жуткой жутью шёпотом рассказывают по секрету самым родным, самым любимым для того, чтобы родные и любимые чётко и явственно осознавали тайну тайн – кто есть человек а кто есть нелюдь... где дети этих нЕлюдей... где внуки этих нЕлюдей...

Практика сокровенной сатисфакции невозможна без сокровенного поля передачи тайны этих знаний – знаний о том, кто вокруг нас человек, а кто совсем не человек, а человекоподобная мразь. Кто дети и внуки этой человекоподобной мрази. Конечно, бывает, что люди ошибаются и путаются.

Но в данной статье не утверждается, что практика сокровенной сатисфакции справедлива или рациональна.

Хорошо об этом спел песню Владимир Высоцкий и рассказал, как злобная ложь одела одежды правды и жила в её одеждах.

Особенно часто путаются в том, что в самих себе допускают ненависть, жажду уничтожения. Но если убить убийцу, то количество убийц не уменьшится. Если возненавидеть того, кто ненавидит, то количество ненавистников даже увеличится и это опаснее, чем убить убийцу.

Эстетическое отвращение к убогому ничтожеству человекоподобной мрази требует от науки этики тщательного осмысления понятия «чело́векоподобная мразь».

Это вполне литературное словосочетание, он не может вычёркиваться цезурой. Это вид эстетического определения. Народ с грустью и тоской – именно потому и без ненависти – шёпотом и тайком передающий наследникам знания о персональном облике человекоподобных мразей – этот народ не нуждается в «кровной мести», этот народ долго-долго терпит всю омерзительную тягомотину подлых поступков подлых людишек, но потом наступает момент стократного воздаяния сторицей и тогда ниспровергаются все старые святыни старых власть имущих и её «имевших», пишутся совсем новые законы, устанавливаются совсем новые порядки. Этот перелом – не всегда «революция».

Так было в столетие отказа от древних верований и принятия новой религии тысячу лет тому назад. Так было по отторжении золотоордынского владычества. Так было при провозглашении империи и суровом отодвигании, отторжении старинных нравов «святой Руси Московской». Так было при ниспровержении самой империи и разжигании гражданской войны. Так было – хоть и менее явно – после распада СССР. Время ускоряется. На что уходило три столетия ранее – на то уходит 30-40 лет теперь. За 40 лет вымирает поколение, уходят те, кто брал власть 40 лет тому назад. Между 2020 и 2030 будут написаны новые юридические законы.

Хочется думать, что сейчас законы изменят в законном порядке. То есть обновят. Без кровопролития. Быть может, разве что, лишат юридической силы несколько миллионов дипломов. И это будет само по себе тоже довольно болезненно.

Погашение значения дипломов сегодня – это не хуже, не лучше, чем расстрелы в XX веке. Ну а в контексте главного урока истории – как широко известно – он состоит в том, что уроки истории не усваиваются – не исключена особого типа несправедливость. Она будет заключаться в том, что сначала аннулируют значение дипломов тех, кто «неполиткорректно» понимает значение истории Отечества, отторг новое законодательство. И только через поколение уже справедливо аннулируют значение дипломов тех, кто не понимает сущности того дела, которым он занялся.

Поскольку информационная война давно переросла в психоделическую, то создание независимой сети типа Интернет внутри локальной цивилизации – чем уже занялся Китай – позволит сравнительно быстро «перевоспитать» если не переубедить более половины населения на пространстве с обновлённой сетью Интернета. При всей абсурдности постмодернистских деструкций они создают инструменты психоделической трансформации сознания масс в

управляемом направлении. Манипуляция массовым сознанием становится всё более и более эффективной.

Поэтому есть вероятность того, что манипуляция войдёт и в сферу сокровенных стремлений. Сегодня даже маркетинг вычисляет – какую именно рекламу надо подбросить конкретному посетителю сети Интернет. Искусственный интеллект социальной сети вполне успешно организывает «размножение» нужного для социальной сети населения и «сокращение» ненужного. О такой функции искусственного интеллекта в селекции людей открыто и популярно рассказывается в передачах о научных достижениях.

Сокровенную жажду мщения искусственный интеллект – если ему это будет поручено – может использовать для дестабилизации того или иного конкретного социума. То, что накапливалось много лет как потенциал может оказаться реализованным за несколько недель для разрушения социальной стабильности. Обесчеловечивание – пропуск к истреблению людей.

Опираясь на это понимание, можно сделать вывод о том, что обществу жизненно важен перманентный мониторинг тех умонастроений, в которых люди лишают статуса людей своих современников. Широко известно, что после антиконституционного переворота на Украине в 2014 году быстро распространилось жестокое и яркое мнение, что пророссийски настроенные граждане Украины – это «колорадские жуки». Сожжение заживо людей 2 мая в Одесском доме профсоюзов и реакция общества сторонников майдана – оправдание убийств, бахвальство готовностью убивать – это достаточная иллюстрация эффективности психоделической войны по отношению к конкретным прослойкам населения. Если бы кто-то сказал именно этим людям до 2014 года, что они будут так приветствовать убийство «колорадов», то от 50 до 70% не поверили бы, что они так себя будут вести.

Парадоксальность ситуации в том, что сами убийцы «колорадов» мнят себя чуть ли не «аристократами», а по факту это убеждение в высокой цивилизованности и в праве «цивилизаторов» убивать «дикарей» внушили им организаторы работы СМИ и программ промывания мозгов через средства сети Интернет. То есть эти экстремисты, которые присвоили себе «право» казнить или миловать, они сами – продукт формовки. Поэтому будет точнее сказать, что их соблазнили правом казнить противников.

Право казнить неугодных, как инструмент политического соблазна – это хорошая тема для свежего экскурса в историю и предысторию политических технологий. Статьи, где «соблазн» есть часть политехнологий есть, но их мало. Гражданские войны всегда включали в себя спор за право казнить: кто имеет право казнить – тот и легитимная власть.

Соответственно – та сторона, которая проиграла и лишилась права казнить – сохраняет за собой это право в сокровенной сфере и ждёт новой исторической эпохи для того, чтобы взять реванш, отомстить, отыграться, вернуть себе власть, снова царить и казнить.

Если сделать процессы обесчеловечивания предметом публичного и массового мониторинга, а вместо казни шаг за шагом обновлять качество кадров и денонсировать дипломы о высокой образованности у асоциальных лиц, то через 15-25 лет напряжение социальной напряжённости существенно снизится. Разумеется, объективные характеристики расслоения населения на богатых и бедных тоже будут играть свою роль: только при наличии некоторого благосостояния у половины населения заинтересованность в социальной стабильности будет доминировать над жаждой сокровенной сатисфакции. Тогда весь жар полемики о вражде красных и белых займёт достойное место в университетских аудиториях.

Это и будет подобием настоящего, а не бюрократического окончания гражданской войны.

Для академических же дискуссий обесчеловечивание, как предмет исследования был и будет актуальным довольно долго.

Головнин Р. Е. Социалистический реализм как исход революции и главный инструмент построения Советского Союза

Головнин Р. Е., независимый исследователь

Аннотация. В настоящий момент существует проблема изучения советской культуры через призму её революционности и стремлении к иной форме человеческой организации. В данном докладе будет представлена попытка описать соцреализм не только как историко-культурный феномен, ставший возможным в стране победившей революции, но и как самоописательный синтез искусств, прорабатываемый государственным аппаратом.

Ключевые слова: революция, смена парадигм, социализм, советская культура, социалистический реализм

Golovnin R. E.

Independent scientist

Socialist realism as the outcome of the revolution and the main tool for building the Soviet Union

Abstract. At the moment, there is the problem of studying Soviet culture through the prism of its revolutionary character and striving for a different form of human organization. This report presents an attempt to describe socialist realism not as a historical and cultural phenomenon that became possible in the country of the victorious revolution, but as a self-descriptive synthesis of arts, worked out by the state apparatus.

Keywords: revolution, paradigm shift, socialism, soviet culture, socialist realism.

Принятие, или даже готовность к неизбежным преобразованиям с приходом XX века, самым очевидным образом проявилось не на политической арене, а в теориях и практиках деятелей мира искусств. Тогда по всему земному шару возникали школы, в лице заинтересованных групп, предлагавших новые формы творческой деятельности. Зарождался так называемый модернизм, иногда приобретающий региональный оттенок. Появившийся в 1909 году в Италии футуризм, мгновенно находит своё продолжение в России, становясь главным двигателем русского авангарда в периоде так называемой «культурной революции». Помимо новомодных эпатажных течений, сметающих традицию, Россия была готова к близившимся изменениям из-за склонности самой культуры к апокалипсическому мышлению, как писал об этом Н. А. Бердяев. Подобное явно улавливалось в творчестве А. Платонова, А. Белого, А. А. Блока, где переплетались различные утопические стремления, но, в частности, народный хилиазм. Близящаяся социальная революция интуитивно подготавливалась деятелями изящных искусств – строителями царства авангарда. Они выступали воинственно, пристрастно и что самое главное, программно.

Человек на пороге XX века жаждал говорить на свержающем языке, Установление нового мифа потребовало создания словесного и изобразительного языка, который мог бы его выразить. Футуристы, декларируя, что они могли бы участвовать в формировании души нового человека, отрицая культуру прошлого в пользу рукотворного, супертехнологичного нового мира, хотели создать новый язык из новых знаков. Все они признавали функцию языка как инструмента власти и как средства трансформации сознания.

Постепенно приходит осознание футуризма как нового государственного искусства, стирается граница между искусством и политикой.

Затвердев в официальной эстетике, деятели футуризма, конструктивизма и супрематизма понимали революцию как творческий процесс. Страна и сама её почва должны были решительно подвергаться модернизации, попутно очищаясь от старого мира. Начался расцвет утопических идей, чему способствовал культ техники, с машиной помещенной в центр. Это был главный символ технической культуры. Но многие деятели заходили дальше. А. К. Гастев, поэт и создатель «культуры труда», мечтая о сращивании человека с машиной, о зарождении «новых существ, имя которым уже не будет человек», настаивал, что «сам мир будет новой машиной».

Это всё разрасталось на всевозможные сферы культуры: урбанизм в архитектуре пропагандировал идеалы коммунальной жизни, художники провозглашали конец станкового искусства, создавали плакаты и фотомонтажи, расписывая стены монументальной живописью. Литераторы, вытесняли беллетристические жанры.

Модернисты своим радикальным подходом к конструкции нового мира, разрушив существующие структуры, создавали новые культурные ценности. Эти концепции на начальной стадии прекрасно соотносились с советской программой модернизации страны. Они легко проникли в пролеткультовскую среду, но проект радикального модернизма, уничтожив традиции и оставив пустое место в культуре, обеспечил установление сталинской культуры, состоящей в повороте к реализму, к реабилитации классического искусства и литературы в начале 1930-х годов.

В процессе формирования строя все элементы, заимствованные от авангарда, начали проходить строжайший отбор лишь полезных с официальной точки зрения вещей. 1920-е в советской культуре представляют собой огромную лабораторию, в которой проводится эксперимент по созданию социалистического реализма. В результате приемы авангарда либо отвергаются, либо адаптируются и подвергаются деформации.

Соцреализм не создавал своих художественных кодов, а использовал уже наработанные культурой, внутренне их перестраивая в собственную мифологическую систему, определяющую не только стилистический уровень, но и всю структуру текста. Соцреалистический реализм работая с архетипами, создавал образы героев и врагов.

Само письмо соцреализма должно было отвечать требованиям потока желаний массы. К этому относилось желание населения приобрести сверхплотность, еще теснее сплотится, растворив индивидуальные конфигурации тел в тотальном равенстве элементов единого сверхтела, её желание расти, вечно повторяясь в каждой новой единице как в связи поколений. Желания разрастались до вневременного, вечного обладания собственной неповторимостью и несокрушимостью, воспевая страну и непобедимость перед врагами:

Создан наш мир на славу
За годы сделаны дела столетий,
Счастье берём по праву,
И жарко любим, и поём, как дети
И звёзды наши алые
Сверкают, небывалые,
Над всеми странами, над океанами
Осуществлённую мечтой

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны не льды, ни облака
Пламя души своей, знамя страны своей

Мы пронесём через миры и века!

Октябрь 1917 года с позиций политической мифологии соцреализма, является событием, открывающим новую эру. Христианская история заканчивается, взамен противоположной ей. Так приходят «дети Октября». От старого мира теперь ни метра, ни звука.

Революция опиралась на идею прогресса, видя в себе завершение и цель исторического развития. В сталинской политической модели завершением истории становится социалистическая идея. При этом массовое сознание воспринимает социализм как следующий за капитализмом этап человеческой истории, в линейности постоянного движения к светлому будущему, от этапов коммунизма к социализму.

Соцреализм был всецело создан для того, чтобы сотворить реальность. Художники и писатели верили в создаваемый их же руками миф о светлом будущем, при том, что будущее описывалось так, как будто оно уже существует. Это был метод не только познающий действительность, но и знающий, в каком направлении она развивается. Миф общественных ценностей и учреждений, породил новый культ, новую культуру и новое общество с фиксацией на будущем.

М. Горький как неофициальный комиссар по культуре с момента возвращения в Советский Союз и вплоть до смерти в 1936 году, становится главным теоретиком соцреалистической доктрины. Призывая мифологизировать современность, он требовал писать о героях пятилетки, о фабриках и заводах, историю Красной Армии и историю Великой Русской Пролетарской Революции, во много раз более великой и прекрасной, чем французская. Производственные травмы теперь почитаются наравне с воинскими, так вдохновленные рабочие совершали подвиги, превосходящие существующие представления о человеческих возможностях и стремились к еще более невероятным свершениям. Визуальное искусство шло тем же путем, оно изображало великанских размеров рабочих, колхозников, политических активистов и солдат.

Предполагалось, что в новом мире все будут частью сверхчеловечества. Так героизация повседневности постепенно становилась еще одной крайне существенной характеристикой соцреализма.

Большевистская революция, сопровождающаяся расцветом утопических идей, израсходовалась в течение последующих лет. Культура возвратилась в русло реализма и порядка. Ведущую роль авангард мог играть только на революционном этапе благодаря своему резко выраженному конструктивистскому духу и энтузиазму. По мере того, как дух и запал идей остыл, открывается разрыв между авангардом и советской культурой, которая ориентируется на ретроспективные ценности, такие как народность, классицизм, монументальность и т. д.

Союз власти и народа, находящий свое выражение в соцреализме, означает отказ от утопической революционности и приводит к концу авангарда как динамического фактора советской культуры. Теперь его принципы чужды народу. Так, после канонизации соцреализма, в культурной жизни из модернистского наследия 1920-х годов остается только то ценное, что соответствует требованиям канона.

Советские художественные журналы 1930-х отчетливо демонстрируют отход и от стилизованных, абстрактных форм к детализированным, реалистическим образам людей и вещей, и от активного использования красного и других ярких цветов к туманным пастелям. Соцреализм возвращается к наследию русской классики во всех областях искусства, тем не менее, продолжая создавать новую реальность.

Список использованной литературы:

Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления). / А. А. Гугнин. – М.: Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 1998. – 117 с.

Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. / Б. К. Лившиц. – М.: Советский писатель, 1989. – 702 с.

Смирнов И. П. Быт и инобытие. / И. П. Смирнов. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 384 с.

Соцреалистический канон / Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – 1040 с.

Заболотин В.Ф. Восстание в Таганроге и события в Ростове в период объединенного правительства. Январь 1918 года (изложение по материалам современных событиям газет)

Заболотин В.Ф., историк-краевед

Аннотация. В статье дан хроника революционных событий в Таганроге в начале 1918 г., когда произошел конфликт между местными рабочими и юнкерами. Автор показывает, что вопреки распространенным предрассудкам, сторонники Советов имели поддержку в промышленных центрах Донской области.

Ключевые слова: Таганрог, Дон, революция, Каледин, казаки, рабочие

Zabolotin V.F.

local historian

Uprising in Taganrog and events in Rostov during the period of the United government. January 1918. (Presentation based on materials from newspapers contemporary to events)

Abstract. The article provides a chronicle of the revolutionary events in Taganrog at the beginning of 1918, when there was a conflict between local workers and junkers. The author shows that contrary to common prejudices, the supporters of the Soviets had support in the industrial centers of the Don region.

Keywords: Taganrog, Don region, revolution, Kaledin, cossacks, workers

10 января 1918 года в Таганроге юнкерами был убит рабочий. На многих заводах состоялись митинги протеста. 12 января в здании театра «Апполо» состоялось собрание представителей рабочих. Вторым пунктом обсуждения были похороны убитого рабочего:

При обсуждении 2-го пункта постепенно нарастала тяжелая атмосфера озлобления.

С докладом и зажигательной речью выступил тов[арищ] Стернин, приблизительно в следующих словах:

“В течение последних двух недель происходит нечто ужасное: белогвардейцы – юнкера, офицеры и т[ому] под[обные] господа обнахалились до издевательства. На тихом Дону получил преступную пулю рабочий балтиец. Но рабочие сейчас безоружны и не могут ответить тем же.

Со словом выступил т[оварищ] Николаенко: «Товарищи, сделаем подлецам месть. Настанет и с ними расправа! Говорят, что наша похоронная манифестация не обойдется без крови. Надо выяснить, есть ли у нас силенка и «угощения»... Медовщиков звал к мирной демонстрации, говоря, что «убитый, на войне защищал ту проклятую сволочь, которая его теперь убила и которая теперь идет против свободы! Но мы должны пока ограничиться мирной демонстрацией. А если они задумают стрелять, то рабочие подставят им свои беззащитные груди”.

В дальнейшем несколько ораторов говорили в том же повышенном темпе. Затем было вынесено предложение: устроить политические похороны – демонстрацию против калединского течения всем рабочим Таганрога. 13 января не работать и участвовать в процессии.

Подавляющим большинством было принято (Газета «Таганрогский вестник», № 9, 25 января 1918 г.).

15 января в Таганроге началась забастовка железнодорожников:

15 января революционно-стачечным комитетом Таганрогского узла Екатерининской ж. д. была объявлена забастовка и вся деятельность железнодорожного узла была прекращена («Таганрогский вестник», 17 января 1918 г.).

По другим данным забастовали уже 14 января:

14 января забастовала железнодорожная станция. Машинисты отказались выезжать на паровозах, даже стрелочники оставили свои посты («Приазовский край», 16 января 1918 г.).

Причинами забастовки были введение Калединым военного положения в городе и ранение железнодорожника.

Ситуация в городе накалялась. Четко обозначились противоборствующие стороны. С одной стороны, это были жители Таганрога, в основном рабочие, которые составили красную гвардию. С другой стороны, юнкера привезенной в Таганрог из Киева школы прапорщиков (около 300 человек) и офицерская рота (50 человек).

В Таганроге также находились казаки 33-го Донского полка. Но казаки возможно не желали принимать участия в начинающемся противостоянии: «Три казачьих сотни отказались нести службу по охране города и были выведены из города» еще до 17 января. Кроме милиции охрану порядка на себя взяла сформировавшаяся боевая рабочая дружина.

Прямые столкновения между рабочими и юнкерами начались 16-17 января. Как одна из причин начала боев, упоминается столкновение у продовольственных складов Балтийского завода:

В Таганрог для завода прибыла мука. Военные власти решили ее реквизировать для своих нужд и с целью ее охраны выставили караул из юнкеров. Рабочие же не зная решения военных властей послали к муке свою охрану. Встреча этих двух охран закончилась будто бы перестрелкой, разыгравшейся потом в кровавые события («Вольный дон», 26 января 1918 г.).

Атаман Каледин послал на помощь юнкерам офицерскую роту. В его распоряжении были лишь несколько партизанских отрядов и те отряды, которые выделяла ему Добровольческая армия. Ближайшими к Таганрогу был отряд Кутепова и Семилетова, но они были втянуты в бои с красной гвардией под Матвеево-Курганом.

Штабом было послано только 50 человек. От них же поступили первые сведения из Таганрога:

Прибыли мы в Таганрог 17 утром и попали в самый водоворот событий. В городе царила полная анархия. Из окон раздавались ружейные выстрелы, трещали пулеметы.

– Мы в количестве 50 человек, добыв себе лошадей, никак не ожидали такого громадного выступления большевиков – вооружился и выступил почти весь Балтийский завод, насчитывающий до 5–6 тысяч человек.

Командовавший нами прапорщик Донсков не растерялся, и мы потеряв 5 человек убитыми, прорвались на вокзал, а оттуда направились к станции «Александровка».

Было темно. Мы пробродили всю ночь.

Всюду мы встречали самое враждебное отношение. Часто раздавались по нашему адресу угрозы, и жители ближайших хуторов брались даже за оружие («Вольный дон», 21 января 1918 г.).

В другой заметке участие офицерской роты в боях описывалось несколько иначе:

Когда на выручку юнкерам пришла в город офицерская рота, между нею и отрядом юнкеров, засевших на вокзале, произошло печальное недоразумение.

На вокзале в это время юнкера расстреливали котел паровоза, пущенного красной гвардией в здание вокзала, дабы произвести взрыв здания. Юнкера, выпуская пули в котел, хотели предотвратить взрыв паровоза путем образования в котле отверстий для выхода пара.

За шумом юнкера не расслышали криков приближающегося отряда офицеров и приняв последних за красногвардейцев открыли по ним стрельбу.

Несколько офицеров, вследствие этого недоразумения, были ранены и один убит.

Полковник Мастыко погиб при отступлении юнкеров и офицеров из города в сторону станции Марцево («Приазовский край», 25 января 1918г.).

Газета «Приазовский край» дает приблизительную оценку сил большевиков Таганрога, исходя из данных выборов в Учредительное Собрание:

Как велико количество большевиков в Таганроге?

Некоторый ответ могут дать цифры недавних выборов в Учредительное Собрание.

Тогда большевики, насколько помнится, собрали свыше 9 тысяч голосов, причем за большевиков голосовало свыше 1500 солдат которых теперь в Таганроге нет.

Отбросив солдатские и женские голоса, надо все же полагать, что большевиков способных к активным действиям, в Таганроге наберется тысяч до пяти («Приазовский край», 20 января 1918 г.).

Подробности происходящего в Таганроге выясняются только через три дня, когда из Таганрога возвращается делегация Объединенного правительства (ОП). Они оказались свидетелями и отчасти участниками событий, происходивших в Таганроге с 17 по 23 января. В состав делегации Объединенного правительства входили Б. Н. Уланов, Д. Г. Мирандов, профессор Кожанов, есаул Кушнарев, Я. Лагутин и И. Скачков. В Таганроге делегация ОП оказалась почти случайно. Целью их поездки был район Матвеева-Кургана, где шли бои между красногвардейцами Сиверса и добровольцами Кутепова, задача – начать переговоры между красногвардейцами и добровольцами для прекращения гражданской войны. Но Кутепов, командовавший силами белых в этом районе, не пропустил делегацию.

Так как на север проехать не удалось, делегация ОП остановилась в Таганроге. По возвращению делегация делает доклад Объединенному правительству. Доклад этот, ранее не опубликованный, стоит привести целиком:

События в Таганроге.

В момент возникновения в Таганроге большевистского движения там находилась делегация объединенного правительства, командированного для выяснения обстоятельств, при которых возможно было бы прекращение гражданской войны, шедшей в это время к северу от Таганрога в районе ст. Матвеев-Курган и др.

Эта делегация прибыла в Таганрог до 23 января, и таким образом в течение 6 дней имела возможность наблюдать происходившее в Таганроге и даже пыталась предотвратить или хотя бы ослабить столкновение рабочих и юнкеров.

К сожалению, попытки ее не дали никаких благоприятных результатов.

<...>

Мы прибыли в Таганрог в 6 часов утра 17 января, а в 12 ч. дня мы слышали в городе стрельбу. На вокзале началась суматоха. Говорили, что красная гвардия обстреливает санитарный поезд.

Назревало вооруженное столкновение.

Мы направились в городскую управу и в совет рабочих депутатов, между прочим не большевистский. При помощи их мы хотели предотвратить дальнейшие события. Здесь мы узнали причины начала событий. Говорили, что с подходившего к Таганрогу поезда в вооруженных и охранявших амбар рабочих было произведено несколько выстрелов. Рабочие в свою очередь начали обстреливать поезд. Так освящен был факт начала событий советом рабочих депутатов. Раньше им было освящено общее положение.

Они признавали нетерпимым дальнейшее несение внутренней службы в городе юнкерами. Говорили, что изо дня в день хоронили убитых юнкерами рабочих.

В общем надо признать, что положение в Таганроге и раньше было тревожным и внушало серьезные опасения. Оно усугубилось последними фактами. Окончательно все-таки нам не удалось установить фактов убийства рабочих. Представители рабочих далее говорили, что кровопролития нельзя будет избежать, если расквартированные в городе юнкера не будут из него выведены.

Мы считали, что этот вопрос самостоятельно мы разрешить не могли, о чем предупредили представителей рабочих, которые обещали воздействовать на рабочих и окончательное разрешение этого вопроса отложить, но просили принять меры предупредительного характера.

Перестрелка в городе тем временем возрастала и возрастала, и что бы предотвратить ее было внесено предложение о заключении перемирия. Были разработаны следующие условия: 1) юнкера освобождают вокзал; 2) красная гвардия уходит на заводы; 3) вокзал охраняют ж.-д. дружины; 4) банки и казначейства охраняют юнкера; 5) на станцию Таганрог назначается особый комиссар; 6) не должно быть допущено за время перемирия вывоза грузов; 7) за время перемирия не вводить частей в город.

С этим предложением член делегации Б.Н. Уланов отправился к начальнику школы полк. Мостыке.

А другие представители делегации отправились в революционный штаб.

Мостыка заявил, что юнкеров с вокзала вывести не может. В революционном штабе говорили, что они сражаться не хотят, а требуют только вывода из города юнкеров, на что мы ответили, что такое распоряжение может быть сделано только центральной властью. Революционный штаб согласился с нашим заявлением и в условия были сделаны соответствующие поправки.

После этого мы считали перемирие мало-мальски установленным.

18 января с утра было тихо, но в 11 опять началась перестрелка, происхождение которой объясняли близким соприкосновением враждующих сторон. В городе были вооруженные караулы и юнкеров и рабочих.

К 12 часам дня стрельба началась по всему городу и приняла массовый характер. Для выяснения причин происходящего президиум совета рабочих депутатов отправился на завод в революционный штаб, а член делегации Б. Н. Уланов в штаб юнкеров.

Перестрелка же с каждой минутой усиливалась. По улицам со свистом летали пули. Трепещали пулеметы. Мы, делегаты и представители города и совета перебрались к театру «Аполло», где устроили заседание. Через несколько времени театр был окружен юнкерами и офицерами, охранявшими пути к расположенному в Европейской гостинице своему штабу.

Красная гвардия теснила юнкеров.

Юнкера, думая, что со стороны театра им тоже угрожает опасность, дали по нему залп, но убедившись, что там сидят не вооруженные люди, сейчас же стрельбу прекратили.

В это время мы получили сведения, что президиум совета рабочих депутатов арестован по распоряжению революционного штаба, так как последний считал, что перемирие было заключено с целью дать возможность сорганизоваться юнкерам.

В виду того, что вокруг театра «Аполло» уже завязалось большое сражение, решено было бюро совета раб. деп. и с ними нашу делегацию перевести в помещение продовольственного комитета, куда мы и начали пробираться под градом пуль.

К вечеру положение еще более осложнилось. Получались сведения о многих убитых шальными пулями. Мы с представителями рабочих депутатов и города вели дальнейшие переговоры о возможности перемирия.

Было выработано второе условие.

Главные пункты этого условия таковы: 1) на ст. ж. д. остается команда юнкеров в 8 чел., 2) красная гвардия уходит на заводы, а юнкера в казармы, 3) та и другая стороны прекращают все действия до приезда делегации из Новочеркасска, 4) за настоящее выступление никто арестован не будет и 5) охрана переходит в руки нейтральной организации – городского самоуправления.

С этими условиями военно-революционный штаб согласился, но полк. Симантовский, к которому перешла власть от штаба юнкеров, этих условий самостоятельно выполнить не мог, а связи с высшим своим начальником полк. Кутеповым, у него не было. Необходимо было обеспечить беспрепятственный проезд полк. Симантовскому на ст. Марцево, где находился полк. Кутепов.

Революционный штаб изъявил свое согласие на это и обещал прислать двух своих представителей, с которыми бы полк. Симантовский и отправился на ст. Марцево. В знак состоявшегося соглашения были выданы особые взаимные расписки.

Обещанные представители к полк. Симантовскому не явились, и не откуда нельзя было узнать о причинах этого.

В (неразборчиво) часов утра 19 января мы узнали, что вокзал занят красной гвардией. В дальнейшем нам рассказали о том, что юнкера решили уйти из города и пробирались густыми рядами с обозами к вокзалу, но были встречены губительным ружейным и пулеметным огнем со стороны красной гвардии. Было форменное избиение юнкеров. Удалось прорваться 50 человек. Остальные были убиты, ранены и около 200 человек попало в плен.

Мы считаем такой шаг, предпринятый юнкерами безумный. Если бы рабочих предупредили, что юнкера покидают город, то мы думаем, им бы был обеспечен свободный выход.

В дальнейшем мы совершенно потеряли связь с юнкерами и остались с красной гвардией, которая мгновенно заняла все места, где находились юнкера, в том числе их штаб – Европейскую гостиницу.

Во дворе Европейской гостиницы красной гвардией было вырыто из земли 12 трупов и найдено не зарытыми 3 трупа. Говорили, что это трупы рабочих, расстрелянных юнкерами. В массах этот факт поднял озлобление, и мы были уверены, что над 200 пленными юнкерами будет учинен самосуд.

Нами были немедленно предприняты меры к его предотвращению. Представитель красной гвардии обещал так же всеми способами не допустить самосуда.

После ухода юнкеров перестрелка в городе прекратилась.

Мы решили, что наше присутствие уже в Таганроге не требуется, и начали изыскивать способы выезда из него. Удалось выехать только 23 января утром. Из Таганрога нам пришлось по льду до станции «Морской» идти пешком.

В докладе этом совершенно нет указаний на то, чтобы во время этой ужасной бойни пострадал кто-нибудь из местных общественных деятелей.

Между тем в Ростове распространились слухи о том, что в Таганроге убиты присяжный поверенный, мировой судья, врач и др., причем даже называются фамилии этих лиц.

К сожалению, продолжающаяся гражданская война у самого города не дает возможности проникнуть в город и узнать, что там делается («Приазовский край», 27 января 1918 г.).

Так же член делегации ОП сообщал:

По словам г. Мирандова, резня в Таганроге велась с необычайным озлоблением.

Были случаи, когда раненные юнкера и красногвардейцы в лазаретах бросались и душили друг друга.

<...>

Временами озлобление восставших масс достигло таких размеров, что все умеренные и здоровые пытавшиеся возражать против излишнего кровопролития, рисковали своей жизнью. Был момент, когда участь арестованных юнкеров висела на волоске: их легко могли растерзать в клочки.

<...>

Товарищ атамана Богаевский спрашивает депутацию:

– Какие же конкретные предложения имеет она в виду для прекращения дальнейшего кровопролития.

Проф. Кожанов отвечает, что восставшие массы вполне определенно выставили лишь один лозунг – вывод из города юнкерских частей («Приазовский край», 25 января 1918 г.).

Сведения делегации ОП о том, что во дворе штаба юнкеров были захоронены 12 расстрельных, позже подтвердил на заседании Ростовской и Нахичеванской дум председатель заседания Б. С. Васильев:

Заседание 31 января.

В Таганроге несомненно, имели место расстрелы. Так во дворе «Европейской» гостиницы (штаб юнкеров) были найдены зарытыми 12 трупов. Трупы осмотрены особой комиссией, назначенной войсковым правительством. При осмотре с одним из членов комиссии стало дурно. После занятия большевиками Таганрога последствием этих расстрелов явилось крайнее озлобление и красногвардейцы едва не покончили самосудом с юнкерами находившимися в лазарете («Приазовский край», 2 февраля 1918 г.).

Можно утверждать, что расстрелы, производимые юнкерами, считались тогда подтвержденными. О расправе же над пленными юнкерами в белой периодике встречается такая заметка:

Когда мы выбрались в поле, то здесь горькая участь постигла трех юнкеров и одного студента. Студент был убит, а юнкера взяты в плен и зверски расстреляны.

Свидетелем расстрела был юнкер, которому удалось спастись: он бросился к морю и скрылся в волнах его («Вольный дон», 23 января 1918 г.).

Эта информация вызывает сомнение, поскольку не совсем понятно, как этот свидетель смог скрыться в волнах моря, если в те же дни делегация Объединенного правительства возвращаясь из Таганрога, часть пути шла по льду.

Революционный комитет Таганрога, взяв власть в городе, выпускает обращение, которое в пункте девять содержит следующую информацию:

9) Всякие самосуды, над кем бы они ни проводились, как действия, позорящие революцию, будут беспощадно преследоваться («Таганрогский вестник», 23 января 1918 г.).

Этот указ не позволяет утверждать, что эксцессов в виде самосудов в Таганроге не было. Делегация ОП утверждала, что при ее участии пленные юнкера были спасены. Кстати и сама

делегация могла вполне обоснованно рассматриваться восставшими как Калединская. Тем не менее, никакой опасности исходящей от красногвардейцев делегация ОП для себя не увидела.

Вообще в этот период внимание периодической печати быстро менялось. Для белых на Дону в конце января и феврале 1918 года каждый день приносил новые известия. Например, в Азове на митинг выходит несколько тысяч человек. Как писала газета «Приазовский край», характер речей был чисто большевистский. Преобладало мнение не пускать в Азов кадетов. Некоторые предлагали вооружить население и встретить кадетов с оружием в руках.

События в самом Ростове напоминали первые дни таганрогского восстания. Попытки предотвратить таганрогский сценарий сами его и порождали. 18 января выходит приказ войскам Ростовского на Дону района № 11:

В виду угрожающего выступления большевиков, в городе и на станции Таганрог, начавшаяся забастовка мастерских ростовского железнодорожного узла, требующая присоединения к этой забастовке всех рабочих и возможности беспорядков в связи с этим в гг. Ростове и Нахичевани на Дону в силу предоставленной мне войсковым атаманом власти объявляю гг. Ростов и Нахичевань на военном положении. Ген. Богаевский («Приазовский край», 20 января 1918 г.).

19 января воспользовавшись объявлением военного положения, добровольцы, чей штаб находился в Ростове, пытаются разогнать общее собрание служащих, мастеровых и рабочих. В помещении столовой главных мастерских владикавказской железной дороги собралось несколько тысяч рабочих. Подошедшие юнкера, по своему понимая приказ о разгоне, начинают просто расстреливать собрание. Уже по первым данным 4 человека были убиты, 8 тяжело ранены, количество легко раненых неизвестно.

По этому поводу немедленно собирается чрезвычайное заседание думы г. Ростова. Обсуждается вопрос, как избавить город от новой гражданской войны. На заседание дает объяснения командующий войсками ростовского округа генерал Богаевский. Впрочем, он отговаривается тем, что знает о расстреле мало, так как назначен совсем недавно.

25 января проходят похороны убитых рабочих. Как и в Таганроге, они превращаются в грандиозную политическую демонстрацию. Несколько тысяч человек проходят по центру города (вниз по Большой Садовой). Демонстрация идет с красными флагами. Среди плакатов такой: «Ваша кровь – залог победы рабочего класса».

Начинается забастовка. Она имеет настолько большой масштаб, что даже сотрудники банков и кредитных организаций Ростова созывают собрание. Правда ко всеобщей трехдневной забастовке они решают не присоединяться, а только выражают протест по поводу стрельбы в рабочих на митинге в столовой ж.д.

На заседании Объединенного правительства в Новочеркасске вынуждены отложить обсуждение ситуации в Таганроге. Звучат обвинения в адрес добровольцев.

Говоря о якобы большевистском брожении в Ростове, необходимо учитывать и то обстоятельство, что вооруженные с ног до головы члены Добровольческой армии, бродящие по городу, сидящие в кафе и театрах в полной боевой готовности, производящие аресты и обыски, естественно вызывают массу неудовольствий и разговоров.

<...>

Не мало шума наделало и зверское убийство на Темерницком мосту двоих солдат, в чем есть основание винить добровольцев.

В заключении Б.С. Васильев предъявляет ряд требований о снятии военного положения в Ростове, о запрещении производства самочинных арестов и обысков добровольцами, о запрещении прогулок их вооруженными, о расследовании бесчинств и т.д. («Приазовский край», 26 января 1918 г.).

В конце заседания правительство принимает решение о снятии военного положения в Ростове. Надо сказать, что еще до образования Объединенного правительства 5 января, одним из условий «не казачьего съезда» был роспуск добровольцев. Но потом это условие было снято.

Если в Таганроге после массовой демонстрации произошли вооруженные столкновения, вылившиеся в восстание, то в Ростове Объединенное правительство успело снять военное положение, чем упредило возможное вооруженное выступление рабочих. Некоторое сходство Таганрога и Ростова еще в том, что на выборах в Учредительное Собрание большевики в этих городах одержали победу.

29 января атаман Каледин покончил с собой. После этого сложило свои полномочия Объединенное правительство. Кутепов все еще надеялся взять Таганрог:

Передовые части добровольческой армии с боем продвигаются к Таганрогу. Среди добровольцев царит уверенность, что Таганрог будет взят в ближайшие дни («Приазовский край», 2 февраля 1918 г.).

Такой оптимизм не имел оснований и через десять дней был оставлен уже Новочеркасск, а еще через десять уже Ростов.

Стоит обратить внимание на интерпретацию Таганрогского восстания Калединым. Основной его упор делался на том, что большевики являются внешней силой и оккупантами. Так же он рассматривал и восстание в Таганроге. Делегация же ОП возражала, что красногвардейцы состоят из жителей Таганрога. И не замечено никаких подкреплений извне.

Войсковой атаман А. М. Каледин (в ответ) заявил, что, говоря о связи Таганрога с советскими войсками, нельзя принимать во внимание только грубую связь, т. е. появление в Таганроге группы красногвардейцев с Матвеева Кургана. Связь, говорит атаман, ясно видна в единстве действий. И те, и другие ведут борьбу против правительства («Вольный дон», 26 января 1918 г.).

В поздних советских изданиях говорится о том, что координация между большевиками Таганрога и отрядами Сиверса действительно имела место. Однако результаты такой координации не очевидны. Начало восстания в Таганроге 17 января совпадает не с наступлением красногвардейцев под Матвеево-Курганом, а с наступлением Кутепова. 17 января крупный успех на стороне Добровольческой армии. Отряд Кутепова делает удачный обход в тыл противника. Кроме того, им удается захватить бронированный поезд, два бронированных автомобиля и несколько пулеметов.

Восстание в Таганроге является яркой иллюстрацией того, что Дон не был Вандеей, а был лишь местом, где разыгралась схватка. Особенно это видно на раннем этапе. Для красногвардейцев Таганрога юнкера школы прапорщиков были внешней силой и оккупантами.

О позиции казаков. Любопытна озвученная на экстренном заседании ОП еще 24 января, информация о том, что возможно «ни сами массы, ни военно-революционный комитет не имеют возражений против ввода в город для охраны порядка строевых казачьих частей». Это лишний раз иллюстрирует устоявшийся взгляд, что в конце 1917 и начале 1918 казачество было в основном нейтральным по отношению к большевикам.

С уходом белых Таганрог стал частью Донской Советской Республики (март – апрель 1918 г.). В конце апреля Таганрог был оккупирован немецкими частями. Городом управляла германская комендатура, объявившая большевиков врагами. В городе началось формирование большевистского подполья.

Список использованной литературы

1. Вольный Дон. – 21 января 1918 г.
2. Вольный Дон. – 23 января 1918 г.
3. Вольный Дон. – 26 января 1918 г.
4. Приазовский край. – 16 января 1918 г.
5. Приазовский край. – 20 января 1918 г.
6. Приазовский край. – 25 января 1918 г.
7. Приазовский край. – 26 января 1918 г.
8. Приазовский край. – 27 января 1918 г.
9. Приазовский край. – 2 февраля 1918 г.
10. Таганрогский вестник. – 17 января 1918 г.
11. Таганрогский вестник. – 23 января 1918 г.
12. Таганрогский вестник. – 25 января 1918 г.

Заяц Н.А. К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920-21 гг.

Заяц Н.А., к.и.н., учитель истории

Аннотация. В статье вкратце изложены факты, рассказывающие о специфике проведения красного террора в Крыму после его занятия Красной армией, масштабах, формах репрессий, разоблачаются некоторые популярные заблуждения относительно этой темы.

Ключевые слова: Крым, гражданская война, красный террор, ВЧК, Особые отделы

Zayats N.A.

Candidate of historical sciences, school teacher

To the question of the red terror in Crimea in 1920-21

Abstract. The article briefly outlines the facts that tell about the specifics of the Red Terror in Crimea after its occupation by the Red Army, the scale, forms of repression, some popular misconceptions about this topic are exposed.

Keywords: Crimea, civil war, Red Terror, Cheka, Special Departments

Писать о красном терроре после освобождения Крыма от Врангеля и просто, и сложно. Просто – потому что количество надежных данных по этой теме немногочисленно, определенные факты хорошо известны и не допускают разночтений даже в трудах достаточно ангажированных исследователей. Сложно – потому что в исследовании этой темы остаются очень значительные лакуны, которые сейчас нельзя закрыть, а политическая актуальность этого вопроса при отсутствии знакомства с вопросом за границами узкого круга специалистов порождает большое количество мифов и домыслов. Вкратце вся конкретная информация по поводу крымских расстрелов сгруппирована в исследованиях историков белого движения А.С. Пученкова и А.В. Ганина, а также некоторых других исследователей [1; 3, с. 326; 4; 5; 17, с. 63-72; 11, с. 196].

21 ноября 1920 г. была создана Крымская ударная группа при Особом отделе ВЧК Юго-Западного фронта во главе с заместителем начальника отдела Е.Г. Евдокимовым. Их задачей было проведение массовой чистки плененных врангелевцев на основании указаний Ф. Э. Дзержинского. 16 ноября он телеграфировал начальнику ОО Юго-Западного и Южного фронтов: «Примите все меры, чтобы из Крыма не прошел на материк ни один белогвардеец. Поступайте с ними согласно данным Вам мною в Москве инструкциям. Будет величайшим несчастьем Республики, если им удастся просочиться. Из Крыма не должен быть пропущен никто» [21, с. 215]. Как правило, этот документ рассматривается как доказательство того, что последующие репрессии в Крыму проводились на основании указаний центра. Однако нужно указать, что содержание этих указаний так и остается неизвестным, они на данный момент не найдены и не опубликованы, хотя их содержание могло бы значительно прояснить причины красного террора в Крыму.

Насколько можно судить по многочисленным мемуарным и документальным свидетельствам, в первые недели после прихода Красной Армии на полуостров прошли более-менее спокойно, однако очень скоро наступили массовые расстрелы арестованных и задержанных офицеров. Эта работа проводилась тройками из состава руководителей местных Особых отделов армий, дивизий и фронтов. Разбирательство, насколько это можно понять, проводилось весьма поверхностно, и обычно расстреливались представители контрреволюционных слоев – в первую очередь врангелевские офицеры, полицейские, приставы, чиновники, реже казаки, студенты, аристократы и т.д. Подобные формулировки фигурируют как в воспоминаниях, так

и в немногих сохранившихся архивных документах. Об этом сохранилось довольно свидетельств, в том числе и со стороны советских руководителей. Так, председатель ВРК Севастополя С. Крылов писал: «Для очистки Крыма и в частности Севастополя от этой нечисти центральными карательными органами были присланы чрезвычайные органы – ударная группа Особого отдела Южфронта, Особотдел 46-й дивизии, Особотдел Черназморей и Реввоентрибунал Черназморей. Все эти органы в конечном счете быстро сделали порученное дело, но некоторые работники, которым была дана неограниченная чрезвычайная власть, натворили много ошибок и даже злоупотреблений. Особенно неистовствовал ничего не хотевший признавать Особый отдел 46-й дивизии. С ним, главным образом, получился острый конфликт. Его отделение в Балаклаве безвинно расстреляло несколько человек, сотрудники отдела чрезвычайно безобразничали, в Севастополе отдел производил массу беспричинных арестов» [11, с. 196]. Врач при Особом отделе ревкома Феодосии С. В. Констансов жаловался в ЦК: «Через два или три дня после окончания первой регистрации военных была назначена новая регистрация, которая производилась Особой комиссией по регистрации 6-й армии и Крыма; этой регистрации подлежали наряду с военными также юристы, священники, капиталисты. Все военные, только что зарегистрированные и амнистированные, были обязаны вновь явиться на регистрацию. Регистрация продолжалась несколько дней. Все явившиеся на регистрацию были арестованы, и затем, когда регистрация окончилась, тотчас же начались массовые расстрелы: арестованные расстреливались гуртом, сплошь, подряд; ночью выводились партии по несколько сот человек на окраины города и здесь подвергались расстрелу.

В числе расстрелянных оказались и офицеры, и рабочие, и врачи, и мелкие военные чиновники, и советские служащие, и больные, и здоровые – без разбора» [4, с. 202]. Сохранилось и много жалоб на то, что в числе расстрелянных часто попадались необходимые советской власти специалисты, безвинно пострадавшие рабочие и т.п. элемент [12, с. 58]. Эти быстрые массовые расстрелы, в ходе которых, как показывают разрозненные материалы, было расстреляно абсолютное большинство арестованных без достаточного разбора, произвело крайне негативное впечатление и на население, и на руководство крымских органов, и даже на часть крымских парторганизаций, что с недовольством отмечала, в частности, Р. Землячка [18, с. 117].

Количество жертв расстрелянных до сих пор остается загадкой. Многочисленность их вызывает сомнения, однако отсутствие общих данных сослужило плохую службу. Благодаря сведениям, попавшим за границу, в белой эмиграции распространились утверждения о десятках тысяч жертв, которые после перестройки в итоге надолго утвердились в научной и публицистической литературе по теме. Так, имеет большую популярность оценка белоэмигрантского историка С. П. Мельгунова, который называл цифры от 50 до 150 000 расстрелянных. Эта цифра ничем особенным не подтверждена, так как даже он признавал, что не обладает данными по этому вопросу, а ряд сообщений о терроре в крымской прессе, на которые он ссылался, оказался в итоге вымыслен [8, с. 66]. Другой белоэмигрантский источник дает цифру также в 52-53.000 чел. [7, с. 298-299] Большую популярность приобрело письмо М. Х. Султан-Галиева Сталину с жалобами на расстрелы, в котором упомянуто, что, «по отзывам самих крымских работников», расстреляно около 20 000–25 000 человек, из них до 12 000 человек [20, с. 86].

Все эти оценки сугубо приблизительны и ничем не подтверждены. Существует также опубликованное письмо заместителя председателя Крымского ревкома Ю. П. Гавена от 14 декабря 1920 г. в ЦК РКП(б). В нем есть жалоба на то, что по вине главы Крымского ревкома Б. Куна расстреляны около 7000 человек, подверглись арестам 20 000 человек [16, с. 906]. Этот документ тоже весьма сомнителен и подлинность его никогда не проверялась. Во-первых, как мы видели выше, вина за расстрелы падает в основном на Особые отделы, к которым Б. Кун никакого отношения не имел. Во-вторых, в этом документе Гавен похвально тем, что сам уничтожил тысячи офицеров во время зимы 1917-18 гг. Между тем ныне достоверно установ-

лено, что за это время на Черноморском флоте уничтожено было не более 250-300 чел. [10, с. 188-214], причем эту цифру отлично знал и приводил сам Гавен [2, с. 53]. Имеет ли место подделка документа, недобросовестное цитирование, или иная причина – сказать сложно, но документ пока выглядит недостоверным. Более того – вопреки многочисленным утверждениям, которые идут еще со времен белоэмигрантской периодики, в распоряжении исследователей вообще нет никаких убедительных данных о том, что Б. Кун и Р. Землячка имели какое-то серьезное отношение к проведению политики террора в Крыму.

Имеющиеся сейчас немногочисленные документы дают более скромные, хотя и тоже очень большие цифры. Начальник ОО 13-й армии И. М. Данишевский телеграфировал Е. Г. Евдокимову 27 ноября 1920 г., что задержано и приговорено за сутки 273 белогвардейца, из Феодосии 29 ноября сообщали о расстреле 136 человек. Состав – практически все офицеры, военные чиновники, полицейские и приставы. Начальник ОО 9-й стрелковой дивизии П. Зотов докладывал В. Н. Манцеву 8 декабря 1920 г. о том, что из зарегистрированных в Феодосии белогвардейцев «в количестве приблизительного подсчета – 1100, расстреляно 1006 человек. Отпущено 15 и отправлено на север 79 чел[овек]». В Керчи – из 800 человек расстреляно около 100, «... приступлено к регистрации бежавшей с севера буржуазии <...> думаю, что нужно будет расстрелять в обоих городах до 100 человек» [14, с. 235-236]. Есть также документы о единовременном расстреле в Джанкое 28 ноября 1920 г. 320 офицеров [12, с. 61], а также относительно недавно СБУ рассекречено дело КрымЧК за 1921 г. В числе документов есть ведомость ОО побережья Черного и Азовского морей, переданная в июле 1921 г. По ней, из 3161 арестованных расстреляно 437 чел., также еще 211 – освобождены, 47 – отправлены в лагерь, 4 – на Север, 26 – на Донбасс и т.д.[22] Данные цифры уже примерно соответствуют стандартным пропорциям контингента ЧК в годы войны, так что можно говорить о том, что ситуация с проведением террора стабилизировалась. Известно, например, что на апрель 1921 г. за Особым отделом 46 дивизии в Севастополе значилось 106 заключенных в концлагерь [9, с. 48]. А рядовые военнослужащие армии Врангеля, судя по отрывочным данным, не подвергались никаким расстрелам, будучи мобилизованными – точь-в-точь как это было ранее при фильтрации армий Деникина и Колчака.

Существует также публикация отрывочных списков расстрелянных, осуществленная бывшим работником прокуратуры Украины Л.Н. Абраменко [1, с. 199-451]. Они немного дополняют количество расстрелянных в других городах: Симферополь – 2065, Керчь – 624, Феодосия – 550, Севастополь – 57, Евпатория – 153, Бахчисарай – 24, Ялта – 810, Джанкой – 255. Общее количество расстрелянных в этих списках составляет, по ручном пересчете, 4534 чел. Если дополнить это другими данными, можно оценить количество жертв террора более чем 5 тыс. Это, разумеется, не полная цифра, но она позволяет определить хотя бы приблизительно охват репрессий.

Причем, как отчетливо показывают данные, наибольшее количество расстрелянных относится, судя по всему, к Особым отделам, которые проводили террор. Крымские органы ЧК, которые начали организовываться после освобождения Крыма от Врангеля, имели тут многократно меньшую роль. Довольно долгое время КрымЧК вообще не могла организоваться. Еще 21 января 1921 г. Оргбюро ЦК РКП (б), рассмотрев просьбу Крымобластка, постановило: «Создать в Крыму сильную ЧК с подчинением ей всех особотделов Крыма (армии и флота), признать необходимым особые отделы армии и флота подчинить Крымчека» [13, с. 45-46]. Начинается ввод представителей ревкомов или ЧК в местные особотделы. И лишь с весны 1921 г. после соединения с Симферопольской ЧК – Крымская ЧК смогла развиваться на ее базе. На заседании Симферопольской ЧК под председательством Е. Евдокимова 18 апреля она была реорганизована в Крымскую областную ЧК. Особые отделы 4-й армии и Черного и Азовского морей были ликвидированы, и вместо них создан общий Особый отдел при КОЧК [6, с. 158]. Как показывает отчет КрымЧК за 1921 г., всего ею был расстрелян 441 чел. Из них:

за контрреволюцию – 128 чел, за принадлежность к антисоветским партиям – 18, за шпионаж – 4, за должностные преступления – 44, за спекуляцию – 2, уголовников – 18, бандитов – 227 чел. [12, с. 53-54] Окончательно пограничные особые отделы включены в состав местных органов ЧК с октября 1921 г.

На данный момент наибольшая цифра, которая выглядит правдоподобно, существует в наградном документе на имя Е. Г. Евдокимова, которой и посвящена отдельная публикация А. В. Ганина [4]. В этом документе в числе перечисления заслуг Евдокимова сказано, что «во время разгрома армии ген. Врангеля в Крыму тов. Евдокимов с экспедицией очистил Крымский полуостров от оставшихся там для подполья белых офицеров и контрразведчиков, изъяв до 30 губернаторов, 50 генералов, более 300 полковников, столько же контрразведчиков и в общем до 12 000 белого элемента, чем предупредил возможность появления в Крыму белых банд». Причем вскоре после составления документов была по рекомендации командующего войсками Украины и Крыма М.В. Фрунзе составлена вторая, расширенная редакция наградного документа, причем первая формулировка в ней была приведена почти дословно: «Предпринятой экспедицией под руководством т. Евдокимова в Крыму был очищен Крымский полуостров от оставшихся врангелевцев и в результате были расстреляны до 12 000 человек, из коих до 30 губернаторов, больше 150 генералов, больше 300 полковников, несколько сот контрразведчиков, шпионов, в результате предотвращена была возможность появления в Крыму белых банд». Разница в употреблении терминов «расстреляно» и «изъято» уже позднее породила некоторую путаницу среди исследователей, думавших, что речь идет об одном и том же документе. Это объясняет также, почему 50 генералов неожиданно превратилось в 150.

Разумеется, данный документ тоже не может быть надежным и убедительным свидетельством, так как имеет больше пропагандистский, чем фактологический характер, вдобавок четко нацеленный на увеличение заслуг представляемого к награде. Это видно хотя бы из того, что предотвратить создание «белых банд» в Крыму на самом деле не удалось, и они продолжали существовать до 1925 г. Мотивы, по которым слово «расстреляно» изменено на более общее «изъято» (которое с одинаковым успехом можно применить и к расстрелянным, и к высланным) – остаются неизвестными. Стоит отметить, что документы на награждение Евдокимова составлял в. и. д. начальника Особого отдела ВУЧК С. С. Дукельский, который одно время был сотрудником и соратником самого Евдокимова во время его работы на Украине. Спорность документа понимает и сам публикатор А.В. Ганин, но он считает, что это «минимальная из известных цифр репрессированных, которая представляется заслуживающей доверия» [4, с. 211]. Учитывая известные ныне документы, общий масштаб контингента арестованных офицеров, принадлежность абсолютного количества расстрелянных Крымской ударной группе – скорее стоит признать, что это верхняя возможная цифра. Но в любом случае, с автором можно согласиться в том, что это единственная вызывающая доверие оценка, которая может базироваться на знакомстве автора документа с реальной обстановкой.

Было бы также не совсем верно сказать, что политика подобного истребления продолжалась в Крыму постоянно. Как видно из отрывочных документов, с весны-лета 1921 г. благодаря взятию под контроль региональных Особых отделов и организации ЧК террор вводится в организованное русло и становится подконтрольным, поэтому количество расстрелов явно снижается. В июне 1921 г. в Крыму начала работу Полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, благодаря которой началась проверка деятельности и чистка некоторых чекистов, некоторых из которых были расстреляны, включая видных работников – например, председатель Старо-Крымской ЧК, некоторые сотрудники Феодосийской ЧК. Руководитель секретно-оперативного отдела ЧК Керченской ЧК Суворов за взяточничество был присужден к расстрелу, но в итоге за фронтовые заслуги ему уменьшили срок до 5 лет [15, с. 106]. Но думается, вопроса о расстрелах офицеров это уже не касалось, так как пик офицерских расстрелов должен был пройти еще в конце 1920 г.

Итак, подытожим выводы. Красный террор в Крыму проходил по-разному. Первое время наиболее жестокие его проявления были связаны с деятельностью особых отделов, которые занимались массовыми расстрелами пленных врангелевских офицеров и представителей других наиболее опасных для советского режима социальных слоев: полиции, аристократии и т.п. В ходе этих расстрелов было истреблено как минимум 5 тыс. человек, а общая оценка числа расстрелянных доходит до 12 тыс., если не больше. При этом, несмотря на то, что рассмотрение красного террора в Крыму принадлежит практически сплошь исследователям антисоветских взглядов, включая даже откровенно ангажированных, все же из представленного ими материала видно, что подобная политика продолжалась не постоянно. Скорее всего, ее пик пришелся на первые месяцы, а то и недели работы Особых отделов. В дальнейшем масштабы красного террора сильно уменьшились в связи с истреблением плененного офицерства, и далее уже встал вопрос о регламентации террора в рамках организации ЧК и борьбе с криминальными и другими негативными явлениями в составе самой ЧК, в чем ничего экстраординарного по меркам того времени не наблюдалось. Вопрос о том, почему в итоге произошли крымские расстрелы, весьма масштабные даже по тем временам (аналогичных по масштабам репрессий не производилось ни в армии Деникина, ни в армии Колчака) – является на данный момент дискуссионным. В любом случае сейчас исследователи вынуждены оперировать крайне небольшой документальной базой, поэтому изучение этого сюжета требует дальнейшей планомерной и масштабной проработки и поиска архивных документов.

Список использованной литературы

- Абраменко Л. М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев: МАУП, 2005. 480 с.
- Гавен Ю. Первые шаги Советской власти в Крыму // Революция в Крыму. Симферополь, 1923. № 2.
- Ганин А.В. Между красными и белыми. Крым в годы революции и Гражданской войны (1917–1920) // История Крыма. М., 2015. С. 283–329.
- Ганин А.В. Наградные документы чекиста Е. Г. Евдокимова как источник по истории Всеукраинской Чрезвычайной комиссии и красного террора в Крыму в 1920–1921 гг. // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 201–214.
- Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: АнтикВА, 2008. 728 с.
- Ишин А.В. Организация и деятельность органов советской власти, осуществлявших борьбу с вооруженным антибольшевистским движением на Крымском полуострове в 1920–1922 годах // Культура народов Причерноморья. 1998. №3. 158–165.
- Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Сост. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский. Москва: Терра: Книжный клуб "Книговек", 2013. 429 с.
- Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. М. : СП "РУКО", "P.S.", 1990. 209 с.
- Островская И.В. «Оставить эти концентрационные лагеря для... господ...» // Военно-исторический журнал. №8, 2011. С. 46–49.
- Павленко А.П. Офицеры Черноморского флота России в революции 1917 г. и начале Гражданской войны (март 1917 г. – апрель 1918 г.). Дисс... к.и.н. Екатеринбург, 2015. 291 с.
- Пученков А.С. 1920: агония белого Крыма // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сб. статей. СПб.: Лема, 2018. С. 175–203.
- Реабілітовані історією. Автономна республіка Крим. Симферополь: ІПЦ «Магістр», 2004. Кн. 1. 408 с.
- Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1968. 243 с.

Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. 1920–1922 гг. Кн. 1. М.: Гея, 1998. 432 с.

Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917–1922. М.: Центрполиграф, 2008. 382 с.

Скоркин К. В. На страже завоеваний революции. История НКВД – ВЧК – ГПУ РСФСР. 1917–1923. М.: ВивидАрт, 2011. 1216 с.

Соколов Д.В. Организация и деятельность органов ВЧК в Крыму в 1920–1921 гг. // Революция и мир. Электронный информационный бюллетень. №3. 2017. С. 63–72.

Сорокин А., Григорьев С. «Красный террор омрачил великую победу Советской власти...» // Родина. 2016. № 8. С. 115–116.

Тепляков А. Г. Чекисты Крыма в начале 1920-х гг. // Вопросы истории. 2015. № 11. С. 139–145.

Усов С.А. «Россия опять может очутиться перед фактом потери Крыма...» (докладная записка М. Султан-Галиева) // Крымский архив (Симферополь). 1996. № 2. С. 83–97.

Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М.: Международный фонд «Демократия», Материк, 2007. 872 с.

<https://urokiistorii.ru/sites/default/files/2018-05/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%D0%A7%D0%9A.pdf>

Колонтаев К.В. «Остров Крым» или как «свободный рынок» сокрушил режим генерала Врангеля

Колонтаев К.В., историк-краевед

Аннотация. Статья представляет собой краткий обзор идеологии и практики экономической политики режима генерала П. Н. Врангеля. Автор анализирует попытку со стороны режима Врангеля сделать так называемую «экономику свободного рынка» осуществляемую им на территории Крыма, привлекательной альтернативой экономике «военного коммунизма» в тогдашней Советской России. Показаны причины ее провала.

Ключевые слова: Врангель, Крым, экономическая политика, свобода торговли.

Kolontayev K. V.

local historian

The "Island of Crimea" or how the "free market" crashed the regime of general Wrangel

Abstract. The article is a brief overview of the ideology and practice of economic policy led by the regime of General P. N. Wrangel. The author analyzes the attempt on the part of the Wrangel regime to make the so-called "free market economy" established on the territory of Crimea, an attractive alternative to the economy of "war communism" in the Soviet Russia. The reasons for its failure are shown.

Keywords: Wrangel, Crimea, economic policy, free trade

Пару лет тому назад среди читающей публики был популярен роман «Остров Крым» писателя Аксёнова, в котором его автор, рассуждая по принципу «если бы да кабы» повествовал в какое бы райское место превратился бы Крым под властью генерала Врангеля, если бы в 1920 году, он был не полуостровом, а островом, а союзники Врангеля – англичане и французы действовали бы поэнергичней против наступающих красных.

Но если от художественной литературы обратиться к истории, посмотреть архивные документы тех лет полистать пожелтевшие страницы газетных подшивок того времени, то можно было бы увидеть, что даже если бы все предлагаемые в этом романе условия были бы соблюдены, то находящийся в то время под властью Врангеля полуостров Крым, вряд ли бы стал «райским островом», даже если бы и не был затоплен в ноябре 1920 года «красной волной». И, не стал бы Крым под властью Врангеля «райским островом», прежде всего по причине той экономической политики врангелевского режима, рассматривая, которую вдруг обнаруживаешь поразительное сходство с нынешними рыночными реалиями.

Именно реалии тогдашней 1920 года жизни в Крыму и Севастополе, опровергают досужие пропагандистские рассуждения о том, что если бы не разгром врангелевского режима грубой военной силой со стороны Красной Армии, то он мог бы вполне успешно развиваться, процветать и своим экономическим процветанием усиливать кризис советской власти на остальной территории, тогдашней России. И, как писал в 70 – е годы один западный советолог: «Врангель в глазах тогдашнего русского народа мог бы стать привлекательной альтернативой Ленину».

Но, какова же была реальная сущность этой «привлекательной альтернативы»? Её очень конкретно выразил сам Врангель в одной из бесед с тогдашним известным идеологом белогвардейского движения Шульгиным: «Я сделал так: я дал возможность людям наживаться...

Я стою за свободную торговлю. Надоели мне эти крики про дороговизну смертельно. Публика требует, чтобы я ввёл твёрдые цены. Вздор!».

Проводя политику «свободы торговли» или пользуясь нынешней терминологии «свободного рынка», режим Врангеля рассчитывало, что в условиях свободы частного предпринимательства буржуазия восстановит крымскую промышленность и насытит рынок товарами. Однако крымские предприниматели совместно с несколькими тысячами своих коллег, сбежавшими от большевиков из Петрограда. Москвы, Киева, Одессы, Харькова и ряда других крупных городов, отнюдь не спешили заниматься восстановлением промышленности, поскольку, это, по их мнению, не сулило им того, что они именовали «нормальной прибылью».

Пользуясь инфляцией и острым товарным дефицитом в тогдашнем Крыму, господа-предприниматели устремились в сферу спекуляции с финансами и экспортно-импортных операций. Врангелевское правительство несколько ошарашенное результатами своей экономической политики, начало со страниц официозной прессы убеждать, скопившуюся в Крыму буржуазию, что её долг – «возродить производство и оздоровить экономическую жизнь», однако буржуйский кот Васька слушал эти призывы и продолжал есть, тогда со стороны официозной печати начались нападки на тогдашние крымские торгово-промышленные круги с обвинениями в «отсутствии патриотизма», «классового достоинства», «нежелании помочь армии», «подрыве тыла» и прочего. Но эти призывы и угрозы, которые не воплощались в жизнь, никого из тогдашних предпринимателей не трогали и они продолжали стремиться с помощью торговых спекуляций и финансовых махинаций, побыстрее нажиться и, обратив нажитое в иностранные валюты и драгоценные металлы и камни, затем выехать в Европу, чтобы пустить награбленное уже в более спокойный оборот.

По поводу всего этого, выходившая в тогдашнем Крыму газета «Русское дело», писала следующее: «Начало свободной торговли превратилось у нас в свободу произвола торговцев, не знающих предела своим аппетитам. Приливы и отливы товаров, сопровождаются притоком миллионов в бездонные карманы хозяев рынка. Торговля превратилась в ряд фокусов белой и черной магии, в результате, которой у обывателя исчезает последний рубль из кармана».

Всё это вскоре привело к катастрофическим последствиям для экономики Крыма. Если в 1918 году уровень промышленного производства в целом оставался на уровне довоенного, а в 1919 году начался медленный экономический спад, то после установления в начале апреля 1920 года в Крыму врангелевского режима, развал экономики на полуострове принял стремительный и необратимый характер и к моменту занятия Крыма Красной Армией к середине ноября 1920 года его экономический потенциал составлял 20% от уровня 1913 года.

За этой цифрой, стояла картина всеобщего обнищания, когда при роскоши магазинных витрин, основная масса населения от рабочих и до большинства офицеров, ходила в старой обтрепанной одежде и обуви, при наличии большого ассортимента продовольственных продуктов на рынках, большинство населения жило впроголодь.

Поскольку стремительно ухудшавшееся экономическое положение затрагивало кроме трудящихся слоёв населения, так же семьи офицеров и многих правительственных чиновников, вызывая среди них недовольство и ропот, некоторые представители как гражданской администрации, так и военного командования врангелевского режима, начали приходить к выводу, что: «при такой свободе в области экономических отношений, армия не сможет иметь спокойного и налаженного тыла» и ссылаясь на опыт государственного экономического регулирования в Германии в период с 1914 по 1920 год, они предлагали ограничить «свободу торговли», усилить контроль за банками, ввести нормирование прибыли для предпринимателей, ужесточить карательные меры против спекулянтов. Однако врангелевское правительство, тесно связанное с этими самыми банками и спекулянтами не хотело принимать подобных мер, ограничиваясь лишь увещеваниями и угрозами.

Выход из состояния экономической катастрофы режим Врангеля искал исключительно в западной помощи, доходя в её поисках до откровенного предательства национальных интересов. Пока в крымской прессе раздувалась псевдопатриотическая шумиха в Париже между французской и врангелевской правительственными делегациями велись переговоры о заключении экономического соглашения согласно, которому в обмен на большой денежный заём, Врангель признавал все русские долги Франции и обязывался погасить их путём передачи права эксплуатировать железные дороги в европейской части России французским компаниям, французские финансовые структуры согласно этому соглашению получали право взимания таможенных и торговых пошлин в портах Чёрного и Азовского морей, другие французские фирмы должны были получить право на добычу 25% донецкого угля и 75% добычи нефти. Эти данные стали известны благодаря публикации текста этого договора английской газетой «Дейли геральд» в номере от 30 сентября 1920 года.

Но к счастью для тогдашней России эти французо – врангелевские планы по её экономическому закабалению потерпели крах, когда врангелевских «патриотов» и «спасителей России» Красная Армия вышибла из Крыма к великой скорби французских охотников за процентами.

Панюта И.Н. Герой «белого дела». Эскиз к социально-психологическому портрету

Панюта И.Н., политолог, публицист

Аннотация. Автор показывает феодально-дворянские истоки социальной психологии типичного активиста белого движения. Они предполагали отождествление родины с собственным элитарным сословием и его интересами. В связи с развитием капитализма этот типаж устарел, не смог адаптироваться к вызовам буржуазной эпохи и к растущему коммунистическому, пролетарскому движению. Это и предопределило неэффективность противостояния белого движения большевикам. С другой стороны, особенности социальных стереотипов заставили часть офицерской элиты поддержать большевиков. Автор указывает на значительные опасности, которые создает для будущего развития общества идеализация и популяризация дворянско-сословных стереотипов в современной России.

Ключевые слова: белое движение, Россия, гражданская война, патриотизм, отечество.

Panyuta I.N.

political scientist, publicist

THE HERO OF THE "WHITE BUSINESS". SKETCH FOR SOCIO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT

Abstract. The author shows the feudal-noble origins of the social psychology of a typical white movement activist. They assumed the identification of the homeland with its own elite class and its interests. In connection with the development of capitalism, this type is outdated, unable to adapt to the challenges of the bourgeois era and to the growing communist, proletarian movement. This predetermined the ineffectiveness of the white movement opposition to the Bolsheviks. On the other hand, the peculiarities of social stereotypes forced part of the officer elite to support the Bolsheviks. The author points out the significant dangers that idealization and popularization of noble-estate stereotypes in modern Russia creates for the future development of society.

Keywords: white movement, Russia, civil war, patriotism, fatherland

1. Постановка проблемы

Без попыток создать социально-психологический портрет представителя белого движения мы никогда не сможем объяснить противоречивые факты, с которыми часто сталкиваются исследователи гражданской войны. С одной стороны мы видим невероятное ожесточение основных противоборствующих сторон в период этого конфликта. С другой стороны, бесспорен крайне малый процент вовлеченных в борьбу не за «землю» и другие экономические интересы, а за абстрактное «белое дело», за абстрактное «отечество», даже среди так называемой элиты царской России¹.

Бросается в глаза и другое противоречие. С одной стороны – тотальное отрицание белыми тех ценностей, которые несла революция. С другой – факт, что половина царского офицерского корпуса (из тех, кто выбрал активную линию отношения к событиям 1917 года) перешла к красным. Причем еще до того, как стал ясен исход борьбы. Т.е. большинство из этой категории служило не ради спасения жизни, тем более, не за паек.

Сегодняшняя идеологическая борьба монархистов, правых либералов и прочих реакционеров так же приводит к весьма противоречивым результатам. С одной стороны, на наших глазах происходит героизация белого движения. Прислужниками нынешнего политического

режима в России ведутся постоянные разговоры о необходимости исторического примирения между ведущими сторонами гражданской войны. С другой стороны – очевидно даже не неприятие, а отстраненность современного общества от данной официальной идеологической тенденции².

Тут надо оговорить, что дело не в политических предпочтениях основной массы современного населения. Увы, через 3 десятилетия после развала СССР эти предпочтения достаточно далеки от научного коммунизма. (Тем более, в таких регионах как Севастополь, Крым, где господствуют консервативные настроения). Реакционная пропаганда, игра на псевдопатриотизме, демонизация большевиков, Ленина делают свое дело. Но при этом массовое сознание не переходит одной черты.

Отказавшись под влиянием такой пропаганды от идеи необходимости революционного переустройства общества на началах социальной справедливости, **массовое сознание при всех потугах нынешней власти никак не может отказаться от необходимости этой самой социальной справедливости.** Причем бессильными оказались не только либеральные атаки 90-х- начала 2000-х, но и консервативно-охранительные, государственнические, черносотенные атаки, которые предпринимаются последние 10-15 лет [6; 7].

Возможно, понять многие социальные процессы, происходящие на наших глазах, будет легче, если мы обратимся к достаточно удаленному прошлому.

Автор доклада делает предположение, что в России длительное формирование сословно-феодалного общества привело к образованию замкнутой касты дворян-офицеров (только в предреволюционные десятилетия разбавленной разночинцами). Эта каста выработала весьма своеобразный «кодекс чести», систему ценностей, отношение к обществу, государству, трудящимся сословиям. **Данные элементы массового сознания рубежа XIX-XX веков, сегодня в XXI веке остаются непонятыми и слишком «идеализированными» массовым сознанием наших современников.** Более того, сегодня обращение к архаичным элементам массового сознания со стороны официальной пропагандистской машины, культивирование этих консервативных элементов может создать фатальные негативные последствия для всего общества.

До наступления капитализма в России подобная морально-психологическая система элиты, «кодекс чести» ее военных представителей, делала поведение сотен тысяч граждан, представлявших верхушку общества вполне адекватным в условиях существования сословного государства. Но с наступлением кризиса Империи в начале XX века именно эти элементы общественного сознания сделали военно-дворянскую «элиту» наиболее уязвимой частью населения, раскололи ее, толкнули часть офицерского корпуса и генералитета на самую жестокую борьбу против всего прогрессивного, а другую ее часть привели к самой бескомпромиссной поддержке революции, большевиков, Красной Армии.

Исходя из сказанного видно, сколь неприемлема сама постановка вопроса о «русском исходе» в 1920 г. как потере российским (советским) обществом некоего стабилизирующего, наиболее качественного, духовного, творческого элемента. Бегство из страны сотен тысяч активных участников и сторонников «белого дела» являлось безусловно личной трагедией людей, многие из которых были вполне честными, порядочными людьми. **Но данное бегство никаким образом не было трагедией для остального народа,** так как в стране остались сотни тысяч бывших царских военных и гражданских специалистов, талантливых управленцев, ученых, деятелей искусства, помогавших создавать новое общество миллионам людей, которые решили сами творить свою историю. Ушедшая же часть не обладала какими-то особыми достоинствами, лишившись которых советское общество попало как неразумное дитя в пучину бед и страданий. К слову сказать, бед и страданий в последующие годы хватило с избытком. Но их причина вовсе не в поражении «белого дела» и не в «исходе из страны цвета нации».

2. Феодално-помещичье сознание VS сознания буржуазного

Развитое буржуазное сознание «принципиально беспринципно», т. к. оно отстаивает буржуазные ценности наживы, прибыли. Разумеется, оно может быть и «национальным» и «патриотичным», но только в той мере, в какой это позволяет добиваться названных целей. Такие примеры «патриотизма» демонстрировали Тьер, Пилсудский, Маннергейм. **Современная российская элита продельвает тоже самое.** Там, где надо защищать интересы частной собственности, интересы верхушки своего класса, она готова пожертвовать и «государственными интересами». К счастью для трудящихся России в 1917-1920 гг. «белая элита» в этом смысле была весьма неповоротлива.

Архаичное сословное сознание элиты умирающей феодально-помещичьей российской монархии заметно отличается от сознания защитников развитого капитала. Оно рождено докапиталистическими представлениями о том, как именно должна формироваться верхушка общества (чистота рода, древность происхождения, служение трону). Поэтому в период гражданской войны белая верхушка путается в системе ценностей и поступает крайне непоследовательно. Иными словами, как представители крупной (в том числе финансовой и земельной буржуазии) белая верхушка готова торговать Родиной «оптом и в розницу». Но как элита, выросшая в среде с развитыми феодальными пережитками, она даже это отвратительное дело совершает крайне неумело: то продешевит, то начнет портить Родину, как «товар» (разваливать экономику, истреблять народ), то не захочет придать ему привлекательный вид (цеплялась за монархию, неохотно внедряла буржуазно-демократические институты в жизнь общества), то не определится с покупателями (Германцы, Антанта, Япония), то в момент торга начнет ссориться между собой. Данное поведение характерно, для социального слоя, вызревшего в тепличных условиях крепостничества, когда его благополучие не зависело напрямую от навыков капиталистического производства и конкуренции.

Деникин, Юденич, Колчак, их высшее офицерство (правда, с разной степенью активности) выступали за «единую и неделимую Россию». Но далеко не всегда следовали этому принципу на практике. Георгий Константинович Гинс (1887 – 1971) – ближайший соратник Колчака – отмечал, что период колчаковщины «весь был приткнут отвлечёнными идеями: «единой России» и «единоличной власти». Эти идеи выставлялись как самоцель, им приносились жертвоприношения... Адмирал Колчак был символом этой идеи, её пламенем он горел и за неё погиб» [Цит. по: 2]. С другой стороны, автор публикации ссылается на письмо Колчака к Деникину, в котором он заявил о необходимом «временном раздроблении единого Российского государства» во имя устранения разногласий между антибольшевистскими силами [2].

«Прагматичный» стиль поведения (т.е. полная готовность торговать Родиной и ее территориями) вырабатывался у вождей белого движения по мере того, как таяли силы этого белого движения. Например «...«либерализм» Врангеля во многом стал следствием прагматизма и максимально трезвой оценки реального положения дел. Именно прагматизм вынудил его отказаться от концепции «единой и неделимой», обещать в аренду Франции минеральные богатства юга страны и даже заключить союз с врагом России – Польшей (естественно, что Польша предала Врангеля, как только ей это понадобилось)» [1, с. 5, 6].

Как уже упоминалось, белое движение разлагал ряд существенных факторов. А именно: постоянная грызня между его реальными и потенциальными лидерами. Это можно считать признаком маргинально-дворянской «незалежности», уважения не общего дела, а себя в этом деле. Далее идут постоянные грабежи и реквизиции у «подлого низшего сословия». Они сочетались с невозможностью и нежеланием четко объяснить, что именно это сословие (кулаки, казаки, городская мелкая буржуазия) получают в случае восстановления Империи. Террор по отношению к низшим сословиям проводился одновременно с плачем по судьбе этих сословий, обманутых большевиками-немецкими шпионами. Причем, часть белых генералов прекрасно сотрудничала с теми же самыми немецкими и австрийскими оккупационными войсками.

Все это привело к стойкому комплексу неполноценности у значительной части среднего звена белого офицерства. Он проявился разными способами, в т.ч. и «запредельным» террором. А также и в том, что даже согласившись формально вступить в белое движение, значительная часть офицерского корпуса прожигала жизнь в тыловых кабаках и вовсе не рвалась на фронт.

3.Элементы социально-психологического портрета

Было бы неверным с научной и политической точки зрения просто пойти по пути дегуманизации образа наших идейных врагов. Мы бы опустили на один уровень с нынешними идеологами «России, которую мы потеряли». Они сегодня действуют подобным образом, тиражируя в сотнях телепередач, фильмов, статей образ воинствующего хама, захватившего власть в 1917 году.

Давайте разберем обстоятельства возникновения некоторых ключевых элементов коллективного психологического портрета царского (т.е. дореволюционного) офицерства. А также подумаем, могут ли эти психологические черты стать образцом для подражания у современных официозных пропагандистов и тех постсоветских обывателей, которые всерьез восприняли «белый и пушистый» образ защитников «Матушки-России».

Среди царских офицеров было достаточно людей, для которых понятия: Честь, Отечество, единство с народом, моральная чистота, профессионализм – были не пустым звуком. Но это не абстрактные понятия. Они наполнялись конкретным социально-экономическим, а потом и политическим смыслом. **Многое зависело от того за какое социально-политическое наполнение данных понятий бывшие царские офицеры были готовы жертвовать жизнью.**

За XVIII век население Российской империи увеличилось с примерно 15 до 35 млн чел. В основном рост происходил за счет территориальных захватов. Дворян в этой массе было 1.5 %. Богатых и богатейших дворян всего несколько сотен семейств [8]. Все они за последующие годы до начала XX века были перевиты родственными, брачными узами, деловыми связями. И хотя царская военная элита медленно расширялась, особенно после отмены крепостного права, **государство к началу XX века – было по-прежнему корпорацией нескольких сотен тысяч человек во главе с царем. Служить такому отечеству было легко, понятно и приятно в той сословно элитарной форме, какую представляла из себя армия.** Как говорил один из героев романа А. Толстого «Хождение по мукам», белый офицер Рошин: «Родина – это был я сам. Большой и гордый человек».

В то же время с конца XIX века в России капитализм втягивает в экономическую жизнь как потребителя-производителя материальных благ миллионы людей. Он просто не может существовать без этого. Капитализм – это общество индустриального, массового производства и потребления. Причем, массово потребляются не просто материальные изделия, но и такой товар как «рабочая сила». Сословные перегородки в таком обществе неизбежно разрушаются. Даже нормы морали, нравственности в значительной мере унифицируются, в той мере как унифицирована производственная деятельность. Т.е. отклонения от «нормы» присутствуют, но одновременно эти «нормы» и осознаются почти всеми как общие, универсальные, нарушать которые предосудительно.

В России начала XX века (остававшейся сословным обществом) даже мораль не имела общей «нормы». Человек из «высшего» сословия, демонстрировавший образцы безупречного поведения в своем кругу (на балу, в кадетском корпусе), по отношению к представителям другого сословия мог проявлять хамство, рукоприкладство, быть инициатором пьяных дебошей. И это не казалось зазорным и наказуемым. Такими примерами пестрят десятки страниц мемуаров царских, а затем и белых офицеров.

Военно-дворянская **честь** подобных деятелей измерялась количеством дуэлей и скандалов;

отечество – количеством полезных связей;

народность – мордобоем нижних чинов;

товарищество -невероятной «дедовщиной» в кадетских, пажеских корпусах; фантастическими пьянками;

профессионализм – угодливостью и карьеризмом;

идейная мотивация – полной кашей в политических взглядах или желанием обустроить брак, спокойный сытый быт³.

Так, что образ супер-культурного офицера-дворянина, внедряемый в сознание современного обывателя – «очень большое преувеличение».

Читая мемуары уцелевших лидеров и активистов белого движения (как тех, кто затем пошли в услужение фашизму, так и тех, кто отказались сделать это) можно прийти к выводу, что в «сухом остатке» (т.е., независимо от чувств и поступков их авторов) идеология «белого дела» была ни чем иным, как идеологией и методикой разграбления и расчленения Родины.

Не слишком ли категорично такое утверждение? Ведь белогвардейцы постоянно говорили о спасении России. Более того, значительная их часть была готова отдать за это свои жизни. Экономика не рассматривалась высшими сословиями Российской империи как нечто самоценное, если она не являлась собственностью данных сословий. Если бы это было не так, то земельный вопрос (главный вопрос начала XX века) руководством Империи решался бы более гибко. Тоже самое можно сказать и о территориях Российской империи. Для значительной части верхушки общества того времени это была только «кормовая база». О ней можно было тосковать, любя издали: из Парижа, Нью-Йорка или средиземноморских курортов. Кстати, примерно такое же отношение к Родине у самых больших (читай – самых богатых) патриотов в современной России.

Сто лет назад ее можно было превратить в объект торга, в обмен на военную помощь белой армии со стороны Антанты, Германии, Японии. Страна, в которой царствовали «быдло и хамы» теряла свое значение для «патриотов». Набор феодально-помещичьих стереотипов (православие-самодержавие-народность) привел к тому, что дворянское самосознание просто не могло воспринимать «низшие слои» как успешный субъект экономической деятельности.

Кстати, не случайно что сегодня, как и сто лет назад у российских reactionеров очень модна насмешка над фразой о кухарке, которая сможет научиться управлять государством (мол, куда ей!). Данный принцип организации пролетарского государства был провозглашен в конце 1917 года большевиками и затем многократно тиражировался (и искажался) их противниками [3, с. 289]. Тот факт, что ни одна кухарка не нанесет такого вреда экономике, как дипломированные успешные менеджеры 90-х годов, обычно ускользает от сознания этой публики.

Итак, именно данные, весьма живучие стереотипы ослабили элиту дореволюционной России, раскололи ее, заставили лучшую ее часть поддержать революцию и большевиков, а другую подтолкнули к самому остервенелому террору против трудящихся (на который те так же ответили террором).

4. Выводы

В начале XX века, с развитием капитализма (и выросшими в его недрах ростками коммунизма) объективными носителями понятия «Родина», «Отечество» стали миллионы пролетариев и разночинцев, десятки миллионов крестьян, пока безземельных, но уже лично свободных. Однако, сознание военно-феодальной элиты все еще воспринимало только себя как социальное воплощение России. Расплата за такие иллюзии была неизбежной.

В новой, Советской России, а затем в СССР, нашлось место десяткам тысяч бывших царских офицеров и генералов. И не потому, что они вдруг все стали социалистами, марксистами, а потому что именно марксисты обеспечили поступательное социальное развитие общества.

А это позволило военной и бывшей дворянской элите, пошедшей за красными, реализовать на практике новое понимание и защиты Отечества, и товарищества, и профессионализма, и единства с народом, и самоотверженности. (И это несмотря на тяжелейшие испытания 30-х годов). Только теперь все эти понятия были лишены дворянской карикатурности, т.к. обеспечивали интересы уже не сотен тысяч, а многих миллионов людей.

Нынешний олигархический российский капитализм не случайно снова реанимирует привычно-медовый образ царского и белого офицерства. Столкнувшись с неразрешимыми противоречиями, сконцентрировав в руках 1.5-2 % населения 90% богатства общества, не умея им управлять, посадив страну на «нефтегазовую иглу», проигрывая экономически крупному зарубежному капиталу, нынешний режим в идеологических и политических преобразованиях пытается реанимировать элементы некой «квази-феодальной» системы.

Речь идет о патологическом недоверии к демократическим институтам, сакрализации режима личной власти, опоре на религиозные институты, воинствующем «государственном патриотизме» и шовинизме. Отсюда же вопиющее пренебрежение к материальным нуждам и духовным интересам простых людей, вседозволенность олигархического капитала и высшего чиновничества.

Все это (как и в начале 20 века) рождает не только разрыв «низов» и «верхов» общества. Данный тип организации государства приводит к снижению качества управленческих решений, неспособности «играть на несколько ходов вперед», приводит к боязни и просто к неумению проводить хоть какие-то прогрессивные реформы.

Но если подобная консервация идеологических институтов сословно-монархического, абсолютистского общества не прошла в начале XX века у белогвардейцев, то в начале XXI века она тем более обречена на поражение. И если Россию от распада сто лет назад спасли большевики и другие радикальные революционные движения, то теперь с еще большим развитием мирового капитализма и с отсутствием серьезного леворадикального движения в России подобное стремление российской верхушки пустить историю вспять может привести к более трагическим последствиям для нашей страны.

Примечания

1. См. например, мемуары Слащева: «Но пошли ли массы на эту новую борьбу? Нет. В Новочеркасске собралась только группа «интеллигенции» в 2000 человек, а народные массы остались глухи к их призыву... Советская власть закрыла базары и стала отбирать излишки продуктов, и свершилось «чудо». Идея «отечества», не находившая до сих пор отклика в массах, вдруг стала понятна зажиточному казачеству настолько, что для организации отрядов не приходилось уже агитировать, а станицы сами присылали за офицерами...» [1, с. 14, 15].

2. Так в ходе публичного опроса, который провел популярный севастопольский паблик «Ретро Севастополь», из 953 участников опроса 560 (59 %) высказались против установления памятника примирения красных и белых, а еще 139 человек (15 %) были даже не в курсе, о чем идет речь. За установление памятника были поданы только 226 голосов [5].

3. «Для того, чтобы привить социальным новичкам «правильные», офицерские, понятия, в 1863 году учредили суды чести при офицерских обществах, а в 1894 году фактически сделали обязательным участие в дуэлях. По распоряжению Александра III отказ участвовать в дуэли вёл к увольнению. Закон о дуэлях формально-юридически ставил офицеров над всем остальным обществом: им было дозволено больше, чем кому бы то ни было ещё. Реальность делилась на сакральное пространство для выяснения отношений между благородными мужчинами и зону для всех остальных, для профанов». «... офицер защищает «честь» не для того, чтобы быть хорошим, благородным в наивно-обывательском смысле, но затем, чтобы отгородить себя от прочего «подлого», «недостойного» народа» [9].

«Я утешал себя мыслью, что и на суше можно было бы так же честно и верно служить идеалам, крепко установившимся в моем сознании и сводившимся тогда к элементарной фор-

муле: «за Царя и Отечество». Нужно было срочно выбрать род оружия, и я без колебаний остановился на кавалерии. Не скрою – очень нравилась красивая, элегантная кавалерийская форма, малиновый звон шпор, особая лихость и дух всегда подтянутых и щеголеватых офицеров.

Огромным утешением служило то обстоятельство, что сделаться сухопутным офицером можно было скорее, нежели моряком... Жениться же я мог только сделавшись офицером – на этом настаивала мать... Сделаться человеком – означало достичь известного положения в обществе, приобрести в свете известный удельный вес, и в этом отношении военная дорога была наиболее легкой, приятной и скоровыполнимой. Офицер безусловно был уже «человек», тогда как какой-нибудь студент за такового еще не считался».

«Носить громкую старинную дворянскую фамилию и обладать средствами и придворными связями, было еще далеко недостаточно, чтобы поступить в один из этих рафинированных полков. Туда мог попасть только безупречно воспитанный молодой человек, о репутации и поведении которого полком собирались тщательные справки. А кавалергарды в некоторых случаях еще и копались в родословной представлявшегося в полк молодого человека и проверяли за несколько поколений назад его бабушек и прабабушек: не затесалась ли среди них какая-нибудь мадам, неподходящая по своему происхождению и тем самым портящая родословную. Ведь она могла бы передать по наследству плебейские черты своему потомству...» [10, с. 57-58].

«Предполагалось, что дважды в месяц молодые офицеры под руководством полковника Рота проводят занятия по тактике. Никто не был особенно заинтересован в этих занятиях: придет время, считали мы, и мы пойдем в атаку и, если будет надо, умрем, покрыв себя славой. Поэтому эти так называемые занятия заключались в том, что мы рассаживались вокруг стола в офицерском собрании, пили шампанское и слушали истории Рота. Только свернутые в рулон карты, лежавшие на краю стола, указывали на то, что мы собрались не просто так, а для проведения занятий» [4, с. 81].

«В соответствии с приказом командующего Московским военным округом офицеры могли постоянно посещать только дюжину московских ресторанов, среди которых были “Яр”, “Стрельна”, “Максим” и “Прага”. Этот приказ в какой-то мере был продиктован враждебным отношением к офицерам со стороны либеральной части населения, резко возросшим после подавления революции 1905 года. То тут, то там в публичных местах происходили неприятные инциденты, в ходе которых офицерам, чтобы защитить свою честь, приходилось браться за оружие. Иногда сами офицеры провоцировали гражданское население». [4, с. 93].

«Дать точную характеристику политических убеждений участников Добровольческой армии я не берусь. Абсолютно все группировались по своим имущественным интересам. Получилась мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов. Кадровое офицерство было воспитано в монархическом духе, политикой не интересовалось, в ней ничего не смыслило и даже в большинстве не было знакомо с программами отдельных партий. «Боже, царя храни» все же провозглашали только отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на «учредилку»...» [1, с. 19].

Список использованной литературы

1. Гражданская война в России: оборона Крыма / сост. В. Гончаров. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 534 с.
2. Ефимов М.В. Колчак и фашизм. – Режим доступа: <https://efimov-m-v.livejournal.com/140420.html>
3. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1981. – Т. 34. – С.289-339.
4. Литтауэр В.С. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911-1920 гг. – М.: Центрполиграф, 2006. – 285 с.

5. Нужен ли в Севастополе памятник «Примирения»? // Ретро Севастополь. Старые фото. История. – Режим доступа: https://vk.com/wall-120897003_37811
6. «Потоки лжи»: почему памятник Примирения не устроил ни красных, ни белых // Газета.ru – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/03_a_13344577.shtml
7. Развожаев оставляет решение по «памятнику Примирения» в Севастополе за большинством // ForPost | Севастополь. – Режим доступа: <https://sevastopol.su/news/pamyatnik-primireniya-obsudili-v-parlamente-sevastopolya>
8. Социальное развитие России в XVIII веке // Твой любимый восемнадцатый век. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/tvojlubimyjvosemnadcatyjvek/socialnoe-razvitie-rossii-v-xviii-veke>
9. Ставрогин Е., Пальдин И. Кто такой белый офицер? // Скепсис. – Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_3981.html
10. Трубецкой В. Записки кирасира // Наше наследие. – 1991. – №2 (20). – С.57-92.

Шахин Ю.В. Революция и интеллигенция

Шахин Ю.В., к.и.н, доцент,
Севастопольский государственный университет

Аннотация. Автор рассматривает отношение различных групп интеллигенции к народным массам, вышедшим на арену общественной жизни в годы революции, и через это отношение объясняет причины эмиграции части интеллигенции. Кроме этого автор рассматривает возможные способы помощи интеллигенции трудящимся классам, стремящимся к выходу из своего забитого, угнетенного и подавленного состояния.

Ключевые слова: русская интеллигенция, политический выбор, народные массы, классовая борьба, культура

Shakhin Y. V.

candidate of historical sciences, assistant professor, Sevastopol state university

Revolution and intelligentsia

Abstract. The author examines various groups of intelligentsia attitude towards the masses who entered the arena of public life during the revolution, and through this attitude explains the reasons for the emigration of a part of intelligentsia. In addition, the author examines possible ways of helping the intelligentsia to the working classes striving to get out of their downtrodden, oppressed and depressed state.

Key words: Russian intelligentsia, political choice, popular masses, class struggle, culture

Вспоминая столетие разгрома врангелевской армии в Крыму, идейные продолжатели белого дела любят проливать слезы по поводу культурных потерь, которые понесла Россия. Они постоянно подчеркивают, что в эмиграцию отправился цвет российской культуры, что большевики обескровили страну и т.д. и т.п. Этот плач не утихает. Но нужно не плакать, как говорил Спиноза, а понимать. Давайте разберемся, почему часть интеллигенции противопоставила себя победоносной революции.

Революционная эпоха – это время движения огромных масс людей, поэтому бессмысленно ставить вопрос об индивидуальном выборе. Именно в движении масс и нужно искать ответ на вопрос, почему значительная часть интеллигенции оказалась в эмиграции.

У русской дореволюционной интеллигенции была широко распространена этика служения народу и даже искупления вины перед ним. Особенно она культивировалась в разночинских кругах. Но был и другой взгляд, восходящий к барскому культурному наследию эпохи крепостничества. Его пример можно обнаружить в творчестве Тэффи. У нее есть рассказы дореволюционного периода, где она смеется над темнотой и нравами прислуги, тех самых людей, от труда которых зависело ее благополучие. В качестве примера можно привести «Веселую вечеринку» – рассказ с подтруниванием над глуповатой прислугой и ее потешными проблемами. Вполне закономерно, что таким как она впоследствии за это воздалось: народ во время революции продемонстрировал этой части интеллигенции взаимность чувств. Так что Тэффи закономерно оказалась в эмиграции.

Но была еще одна группа интеллигенции. Она преклонялась перед абстрактным народом, но к живым, реальным представителям народа, испытывала скрытую неприязнь, глядя на них, как на быдло и хамов. Пока царское государство держало это быдло в стойле, она могла сохранять такую двойственность восприятия. Но наступил 1917 год.

Свержение самодержавия, уничтожение старой репрессивной машины, падение авторитета церкви, распад старых социальных связей привели к тому, что внешнее принуждение пало, и внешний контроль за поведением народа исчез. Народ получил возможность действовать по своему усмотрению, а интеллигенция с распадом старого государства утратила возможности как открыто насмехаться, так и абстрактно преклоняться перед ним. Значительная часть интеллигенции восприняла эти события как выход на арену истории торжествующего хама. Даже Горький воздал дань этим опасениям в «Несвоевременных мыслях».

Когда люди, привыкшие, что их поведение определяется внешним регулятором, внезапно лишаются его, они могут сотворить что угодно, потому что не умеют самостоятельно управлять своим поведением в интересах общего блага. На этом активно спекулируют все антикоммунисты, вплоть до наших дней. Например, в конце 1990-х гг. вышла книга историка Булдакова, которая вся построена на описании проистекающих из этого ужасов. Вот только одна характерная фраза из данного сочинения: «Война превратила крестьянскую массу в стаю озлобленных вооруженных троглодитов, на фоне которых "идейный" большевизм выглядел чем-то почти наивным» [1, с. 220]. Да, быдло лишнее пут и узды ужасно. Но ведь было не только оно.

Часть народных масс решила порвать со своим скотским состоянием и стряхнуть с себя условия, которые к нему привели. Она попыталась изменить себя, меняя общество вокруг себя. Нашлась часть интеллигенции, которая заметила этот порыв, и всей душой развернулась ему навстречу. Этот поворот прекрасно выразил Маяковский в «Приказе по армии искусств». Разбейте узкие клетки, в которые заключено профессиональное искусство, – несите его на площади, дарите людям, ищущим новой жизни.

На улицу тащите рояли,
барабан из окна багром!
Барабан,
рояль раскроя ли,
но чтоб грохот был,
чтоб гром.
Это что – корпеть на заводах,
перемазать рожу в копоть
и на роскошь чужую
в отдых
осоловелыми глазками хлопать.
Довольно грошовых истин.
Из сердца старое вытри.
Улицы – наши кисти.
Площади – наши палитры.
Книгой времен
Тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы,
барабанщики и поэты!

Да, эти люди дики, примитивны, неотесанны, такие как они есть, враждебны высокой культуре. Но такие как они хотят быть, они ее будущая часть. Лучшая часть русской интеллигенции сделала шаг навстречу лучшей части русского народа. Но худшая часть интеллигенции ужаснулась худшей части народных масс и отвергла революцию. Она видела лишь одну сторону картины: как всколыхнулось зловонное болото. Для иллюстрации этого восприятия революционных событий можно привести воспоминания одного московского профессора медицины, который уехал в Германию и хотел объяснить внуку мотивы своей эмиграции. Эти воспоминания

нения были изданы под псевдонимом в «Архиве русской революции» Гессена. Беглого профессора глубоко шокировало, что остановки московских трамваев стали использоваться как места, где справляли нужду. Он язвит: «Вообще я должен сказать, что правящий класс Российской социалистической федеративной советской республики имел в то время весьма смутное представление о назначении ватер-клозетов» [2, с. 207]. Но вместо того, чтобы способствовать борьбе за здоровье и гигиену, прививать навыки цивилизации темным людям, этот профессор эмигрирует и рассказывает, какое чувство радости он испытал, когда оказался в Германии. По мемуарам хорошо видно, что с таких же позиций брезгливости смотрел на происходящее весь круг общения его семьи. Например, артисты, к числу которых принадлежала и жена профессора, испытывали негодование, что вынуждены петь для рабочих на мероприятиях в домах культуры. Приобщение рабочих к оперной классике они воспринимали как самоунижение, на которое шли в буквальном смысле ради куска хлеба (после концертов в домах культуры давали хорошие обеды).

Восточная мудрость давно заметила, что чистейший и благороднейший цветок лотоса прорастает из болотной грязи. Интеллигенция увидела грязь, но не те ростки, которые из нее пробиваются. Она заняла очень простую и легкую позицию: отшатнулась и осталась в стороне. Да, это именно легкая позиция, хотя она и привела этих людей к прощанию с родиной и полному распаду привычного жизненного уклада. Они занимались голым отрицанием. Что может быть проще? А народ совершил в их отношении акт мести, ответил за пренебрежение и насмешки. Хотя быдло не все понимает, но многое чувствует.

Значительно труднее было той интеллигенции, которая осталась с народом. Она сознательно окунулась в грязь, чтобы ускорить раскрытие цветков лотоса, превращение быдла во всесторонне развитых людей. Это трудно, когда ты понимаешь, с кем имеешь дело, а те, кого ты хочешь поднять из грязи, таким пониманием обладают не всегда. На этом пути бывают горькие и несправедливые обиды: Александр Блок воспел революцию в поэме «Двенадцать», а крестьяне потом разграбили его усадьбу. Это действительно трудный выбор.

Недавняя история дала нам еще один поучительный урок, который показывает сложности проблемы взаимодействия интеллигенции и народных масс. Не всегда колыхания болота вызваны толчками прекрасных бутонов. Об этом убедительно свидетельствуют события 2014 года. Значительная часть украинской интеллигенции побежала на майдан, думая, что там пробиваются ростки новой жизни, а это просто был всплеск болотной грязи, который залил собой всю страну. Никакого лотоса из нее не поднялось. Потому мы должны понимать, что не всякое движение народных масс означает борьбу за светлое будущее, а следовательно, правильная реакция на него – это не такое и простое дело. В нем могут быть ошибки двоякого свойства: можно отшатнуться от дела прогресса, остаться от него в стороне и даже ему противодействовать, а можно замарать себя несмылаемым позором сотрудничества с реакцией и тем самым получить аналогичный результат с той разницей, что реакционные дела будут именоваться прогрессивными.

Затем, хотелось бы поставить более узкую, но не менее трудную задачу, что делать прогрессивной интеллигенции, когда классовая борьба находится на низком уровне, и мы не видим трудового народа, вышедшего на арену истории? Говорят, ему нужно помогать. Но как? Это уже общая проблема современности: что вообще делать интеллигенции, точнее работникам умственного труда, желающим помочь делу прогресса.

Наша конференция не случайно определена как научно-практическая. Она является элементом классовой борьбы. Только в данном случае эта борьба носит специфический характер: ее предмет – историческая память. Каждый человек при рождении сталкивается с совокупностью норм и ценностей существующей культуры, часть из которых проявляется также в форме отношения к событиям прошлого. Он их должен усвоить, чтобы стать полноценным членом общества и участвовать в его деятельности, преобразуя своей активностью существующее.

ющую систему общественных отношений и творя тем самым новую историю. Среди всех этих разнообразных норм ценностей и идеалов имеются также коммунистические идеи и в более широком смысле идеи классовой борьбы. Они порождены объективными причинами – конфликтом классов. Поэтому они регулярно воспроизводятся стихийно. Но каждое новое поколение вынуждено их усваивать и осмысливать заново. При этом интересы конфликтующих классов требуют, чтобы как можно больше представителей молодого поколения усвоили ценности данного класса и как можно меньше – ценности его противника. Это придает классу дополнительные силы в борьбе за поддержание своего господства или наоборот в борьбе за подрыв чужого. Ложные формы сознания и оценки событий прошлого, воспринимаемые как истина и руководство к действию, способны существенно повлиять на исход классового конфликта.

Теоретическая форма классовой борьбы как борьба за воспроизведение норм и ценностей, отражающих глубинные интересы того или иного класса находит особое проявление в сфере образования. По существу, те из марксистов, кто в современных условиях ведут работу с молодежью и обучают ее, преследуют цель воспроизведения этих норм у новых поколений. Своей деятельностью мы помогаем раскрыться объективной необходимости, чтобы среди вступающих в новую жизнь оказывалась максимально возможная доля коммунистов, верхний предел которой задан данным уровнем классовых противоречий. Но если есть верхний предел, то есть и нижний. Этот нижний предел задается текущей активностью враждебного класса, который способен, исходя из своих интересов, эти всходы затоптать, если ему целенаправленно не противодействовать. Эпоха реакции может быть очень длительной, но она не может быть вечной. Когда эти всходы поднимутся и окрепнут, они рано или поздно вновь выбросят бутоны, и из толщи грязи начнет подниматься новый цветок лотоса.

Список использованной литературы

1. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – 372 с.
2. Донской Р. От Москвы до Берлина в 1920 г. // Архив Русской революции, издаваемый И.В.Гессеном. – Т.1. – Б.м., 1921. – С.191-240.